

Монах Варлаам (Карабашев)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

**Из зимней Сторожны
в «Август» и обратно
(поездка первая)**

**Путь к милосердию
(поездка вторая)**

**Санкт-Петербург
2015**

Монах Варлаам (Карабашев). Путевые заметки. Из зимней Сторожны в «Август» и обратно (поездка первая). Путь к милосердию (поездка вторая). – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. – 120 с.: ил.

Заметки повествуют о двух поездках зимой 2015 года на юго-восток Украины с целью доставки гуманитарного груза и оказания духовной поддержки местным жителям, находящимся в условиях гражданской войны.

ИЗ ЗИМНЕЙ СТОРОЖНЫ В «АВГУСТ» И ОБРАТНО (поездка первая)

Сборы. Путь до Новороссии

От нас уже ездил в Новороссию один монах, еле нашли его потом, месяца через три. Не мог человек уехать из зоны военных действий и всё тут. Конечно, он как монах не принимал участия в боевых действиях, просто поддерживал духовно своих, втянутых в войну, соотечественников. Это не первая его поездка, там его родные. Так что вначале он разведдал обстановку, проехал по военным территориям, ознакомился с ситуацией и вернулся. Во второй раз решили его с пустыми руками не отпускать. Собрали наши духовные родственники, что смогли. Они самые надёжные наши помощники, а больше тогда как-то особо смелых в этом отношении не нашлось. Священник, на которого мы особенно надеялись, как-то особенно наотрез отказался помогать, да Господь не оставил нас своей Милостью. Нас поддержали, как всегда в таких делах, наши дорогие вырицкие отцы. Они тоже собрали, что смогли, да расходов половину взяли на себя. Дорога не близкая.

Поехали один брат из Вырицы, да наш монах. Тот у границы разгрузился и назад: не было у него возможности остаться. А хотелось. Ну а наш, конечно, за кордон, только его и видели. Вначале гуманитарку провёз, да доставил по назначению. Потом помогал раненых вывозить, хватался за оружие в минуты отчаяния, да казачки не позволили: «Монах, молись. Воевать будем мы сами». Он молился, утешал, как мог, братьев словом

Божиим, помогал, чем мог, просто был рядом в трудное время, что тоже немало и не просто. А когда военное противостояние пошло на спад, вернулся, наконец, в обитель.

Наступила зима. Звонит мама моей крестницы (она основной представитель тех самых родных, о которых мы сказали выше):

– Ну что, отец, – будем в Новороссию ещё помощь собирать?

– Да надо будет везти, зима же на дворе, но пока не знаю как. Давай помолимся, чтоб Господь вразумил, да управил.

Там, на войне, пока было затишье, то есть можно было без проблем доставить гуманитарку. Через недельку звонит тот брат, что ездил прошлый раз с нашим монахом, говорит:

– Слушай, отче: тут один казак, ты его знаешь, собирает груз на приходы в Новороссию. Сейчас решает, как отвезти. Поехали?

Да, я знал того казака. Было решено – едем. Казак тот был в Новороссии добровольцем в самые трудные времена, спину свою украинским карателям не показывал и в кусты не прятался. Он знал все проблемы и подсобрал всё необходимое, да как следует, то есть на одной машине не увезёшь. Наши близкие уже были наготове, они мгновенно откликаются, когда нужно кому-то помочь. Конечно, вырицкие отцы (мы без них никуда, как всегда) собрали, что смогли, машину дали – микроавтобус и расходов на себя взяли опять половину. Игумен наш собрал свечей, да масла, ну, что смог с подворья забрать. В конечном итоге, поехали вчетвером на трёх машинах. «Газелька»-грузовичок, микроавтобус да «УАЗик». Последние – без задних сидений. Рессоры чуть ли не в обратную сторону выгнуты, так что быстрее 80 км не поедешь, если цель доехать до места. А у нас была такая цель. Началось преддорожное оживление.

Собирались, грузились, перегружались в Вырице, ночь там переночевали. Утром отцы отслужили молебен. Служил, строго говоря, один (другой, значит, за стенкой сидел, молился), но они по своему устройению не бывают по отдельности, мы все к этому единению привыкли, и поодиночке их упоминать как-то язык не поворачивается. Нас накормили, обняли, расцеловали, благословили в путь, и мы тронулись. Сразу же в Тосно первая поломка. Слава Богу, значит – порядок, а то как-то подозрительно гладко всё шло.

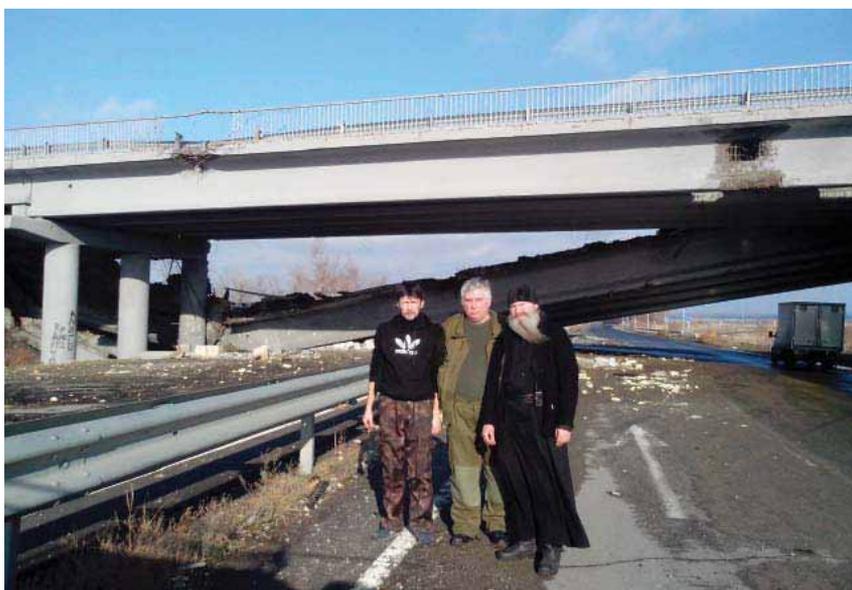
Ну а дальше дорога как дорога. Заправки, кофе, виляющая трасса, чётки в руках, леса, поля, мосты, реки с рыбаками на льду, еда урывками, езда по 14 часов, в лобовое стекло – мокрый снег вперемешку со щётками и со всех сторон – слепонесущиеся многотонные фуры. Обязательные нервотрепки – отстал, не там свернул, потерялся, нашёлся, заправка, двойной эспрессо и дальше трасса, блестящий асфальт и слепящие навстречу фары. Ночные придорожные мотели, неважно какой ужин и падение без сил на толком не рассмотренную кровать, при этом засыпаешь чуть-чуть раньше, чем начал падать. Утром, затемно, еле продрал глаза, – сумасшедший чай по 2-3 пакета, двойной эспрессо на первой же заправке и снова дорога. Красота! Как давно было подобное.

Первый день в Новороссии

В середине третьего дня подъезжаем к Донецку Ростовскому, нас там встречают, пока не знаем кто, с одним вроде бы однажды виделись. Вначале мы договорились с несколькими людьми в отношении благополучного проезда. Все, кто имел подобные возможности, откликались сразу и всегда с осязаемой готовностью, открытым и добрым произволением. Вообще одним из самых радостных впечатлений от всего

этого была твёрдая готовность не просто помочь, но оказать наибольшую помощь у всех, кого нам рекомендовали. Мы совершенно спокойно могли их беспокоить в любое время дня и ночи, всегда получая предельную помощь и полное понимание. Это были и казачьи подразделения, и ополченцы, и просто местные жители. На военных территориях не существует посторонних людей.

Однако за два дня до отъезда, благодаря связям нашего «военного» монаха, появилась возможность воспользоваться помощью официальной народной армии: нас обещали сопровождать, провезти по нужным местам и обеспечить прикрытие на случай возобновления военных действий. На самом деле, особенно импонировало само понятие – законная народная армия. Как-то хотелось пообщаться с такими людьми. Священник, к которому мы ехали, сразу одобрил наш выбор, точнее, убедил его сделать. Короче, мы подъезжали к границе. Вся дорожная весёлость уже заменилась усталостью, однако нервозности не было.

Подъехали к месту встречи. Ждут трое военных на двух микроавтобусах. Да, с одним мы виделись – взрослый с орденом Красной Звезды и двое незнакомых, крепких, с очень хорошими лицами ребят, тоже не юноши – лет сорока. Познакомились.

– Мы думали, вы с оружием...

– Да провозить через таможеню нельзя, оставили с бойцами перед границей.

– Понятно...

Время на исходе, скоро будет темнеть, а ехать далеко. Быстро переместили груз из «Газели» в микроавтобусы, с собой могли взять только две машины, грузовик возвращался домой. Наш знакомый с орденом провёл командным голосом короткий инструктаж по поведению на территории военных конфликтов, и все тронулись на границу к таможене.

Въезжаем: первая и последняя машины сопровождения, две наших посередине. Честно говоря, к моменту переезда через границу излишняя весёлость уже прошла, но приветливая встреча бойцов сохранила некое благодушие. Таможеня как-то сразу начала расставлять всё по своим местам. За окошком девушка с пистолетом в кобуре, строгий взгляд, говорящий не то, что она строгая, а то, что здесь вообще не шутят, здесь война. Проверка документов без проволочек, досмотр без пристрастия, всё же вид бородатых людей в монашеской одежде как-то смягчал. И, надо сказать, сопровождающие нас бойцы на протяжении всего времени неизменно пользовались расположением у всего населения – как гражданского, так и военного.

Наш друг с орденом пошёл к какому-то таможенному командиру и взял меня с собой, познакомиться. Входим внутрь здания таможенни. Первое, что видим – это разрушенные комнаты от разорвавшегося снаряда. Все вокруг с оружием, и ощущаешь, что не просто вооружены, потому что военные, а по-

тому, что в любой момент возможно военное нападение, без оружия здесь нельзя, и это их пост. Поприветствовали какого-то офицера, познакомились, пожали руки, перекинулись парой слов. Да, не знаю, как сказать, но война – это не только стрельба, война видна во всём облике человека и чувствуется сразу. Во всяком случае, при том, что рукопожатие было дружественным и слова приветливые, вся дорожная эйфория улетучилась бесследно. Выехали за границу. Там наших спутников ожидали бойцы с их оружием и разгрузками (это такие жилеты с карманами для гранат и патронов). Вооружившись, они ещё раз повторили нам правила поведения, режим движения, и все в прежнем порядке тронулись дальше. Начинает темнеть.

Совершенно разбитая дорога, не то что разгромленная или недавно повреждена, а просто старая, неремонтированная много лет и пришедшая в негодность задолго до военных действий. Впереди сразу показались бетонные плиты, положенные поперёк дороги, аккуратные баррикады из мешков с песком и небольшая каменная будка сбоку. Всё это блокпост. Подходят молодые ребята в военной форме, строгие, спокойные, но явно, что называется, начеку. Все с автоматами: один впереди, двое сзади по бокам и ещё дальше двое с пулемётом. Проверили документы у сопровождения, сразу успокоились. Показывая на нас:

– Это с вами?

– Конечно. Мы сопровождаем.

Глянули наши паспорта.

– Проезжайте.

Едем дальше, по Изварино. Совсем стемнело. На несколько метров отделились от первой машины, и слева догоняет гаишная машина. Наш послушник-водитель говорит тоном человека, увидевшего знакомое в чужой стране:

– О, гаишники – прямо как у нас!

Словно услышав, тут же прерывистым зуммером нас пригласили остановиться. Водитель с документами вышел навстречу. Да, гаишники, в самом деле, как у нас. Единственное, вышли они – один с автоматом, другой с миномётом. Водитель опешил. Те не торопясь:

– Кто? Откуда? Кто в машине? Что за груз?

Но первая машина сопровождения отреагировала – сразу по тормозам, тут же выскочили наши провожатые и бегом к нам. После слова «Август» ГАИ ответило: «Вопросов нет».

Едем по темноте, в посёлках всё затемнено, может, не специально, просто фонари не работают, а дома обитаемы не все. Фарами вырываются из темноты фрагменты разрушенных домов, пустые глазницы окон, перекошенные рты вырванных дверных проёмов. Время от времени куда-то мимо спешат одинокие фигуры местных жителей. Живут, тянут лямку войны и не сдаются. Оглядываются на нас, как на туристов, видя российские номера, однако без осуждения. Это наши русские люди, убиваемые ни за что своей законной властью и ожидающие законной же помощи от России, которая, вне всякого сомнения, должна помогать этим людям и которая толком помочь пока не может.

Проезжаем Антрацит. Состояние города напоминает самые тяжёлые периоды наших 90-х. Под редкими уличными фонарями – небольшие кучки бедно одетых людей, кто-то что-то ищет, кто-то предлагает, некоторые, не обращая внимания, молча проходят мимо. Немного в глубине жидкий рядок еле освещённых ларьков с «колониальным товаром», рядом один-два человека. Даже как будто повеяло давним, всем нам знакомым, только без пьяной милиции с бандитами и соответствующих им дам. Вместо этой пикантной категории – озабоченные скорбные люди, выжившие под обстрелами и бомбёжками, теперь выживающие в холоде, голоде и ожидании новых бомбёжек. Нет, это далеко не наши 90-е.

Проезжаем город, время от времени впереди включают аварийку. Мы следом, потом – «стоп»: блокпосты, строгие лица, автоматы. Увидят нас – улыбнутся и, выслушав наше сопровождение, пропускают. Дальше опять бедные, местами разрушенные посёлки и много лет неремонтированные – ухаб на ухабе – дороги. Надо сказать, что состояние дорог и домов отчётливо отражает, что проблема с властями возникла не полгода назад. Посёлки шахтёров в откровенной и давней бедноте. Это при том, что шахтёры испокон века – самый зажиточный рабочий класс. У кого есть знакомые или родня шахтёры, те знают, что всегда они жили по справедливости богато. Их труд во все времена тяжёл и опасен. Однако очевидно, что доведены эти люди до такого бедственного положения давно, так что их претензии к властям были более чем справедливы. И после киевского переворота (а это был вооружённый переворот) они были вправе требовать, чтобы с ними, наконец, начали считаться, уже даже не потому, что они шахтёры, но хотя бы потому, что они живые люди со своей жизнью, семьями, детьми, самыми различными проблемами, которые должна решать власть, если эта власть законна. Однако власть в ответ стала их убивать.

Но двигаемся далее. Ещё несколько блокпостов. Где – ополченцы, где – казачки. (Вообще блокпостов много на всех дорогах, и посты эти – места опасные.) Подъезжаем к населённому пункту, в котором расположение «нашей» части. Ещё блокпост, и мы – в военном подразделении. Бойцы (по виду ополченцы, то есть разных возрастов), много взрослых, пожилых людей, но много и молодёжи – все в обмундировании. Здание штаба, казармы, склады, столовая – всё честь по чести. Территория, неплохо приспособленная под воинскую часть. Машины рядком. Хоть и бэушные, но бэтээры. Танков несколько (тоже не новые).

– Укроповские что ли?

– Ну да. Они побросали, когда бежали, да и так мы позабিরали у них техники не хило, ума бы дать.

В общем, нормальная часть, но расспрашивать пока было неудобно, да и какая разница, ну пусть это ополченцы, дак что? В принципе для нас нет разницы, эти люди здесь воюют. Подошёл офицер.

– Это зам. комбата. «Бати» нет, он за него.

Это наш знакомый с орденом представляет нас начальству. Сразу ведут в столовую, очень радушно относятся все встреченные там бойцы. Женщины-повара в столовой, видя бородастые лица и замызганные подрясники, улыбаются, но пытаются скормить нам двойные порции:

– Ешьте, вы ж с дороги, или не вкусно?

– Да нет, ну, спаси Господи, мы хоть и монахи, но не безразмерные.

Нормальная солдатская столовая. Стоит парень на мойке, другой убирает, кто-то приходит с наряда или сменился с блокпоста, их в рабочем порядке кормят, всё налажено. Да,

много взрослых солдат, но ведут себя по-военному спокойно, вровень с молодыми – это народная армия, идёт война, тут все те, кто хочет защищать Родину, и возраст здесь не в счёт. Потрапезничали, пошли разгружать машину. Зам. комбата собрал бойцов, те по-быстрому всё разгрузили. Офицер, да и все бойцы благодарят. Даже женщины-повара на кухне – и те благодарят. Знаете, ну привезли мы какие-то продукты, но наша «Газелька» для этой части – как слону горошина. Ну на пару дней от силы хватит этого, а нужда у них во всём, и серьёзная. Нам ну просто стыдно стало.

– Да тут благодарить-то не за что, ребят, прекратите.

– А дело не в количестве, мы рады, что вы приехали, что поддерживаете нас и понимаете.

И они в самом деле нам рады, и уж явно не за эту помощь, а за солидарность, и это шло от сердца, такая благодарность покрывала все наши трудности.

С этим теплом в сердце мы попрощались до завтра и повезли груз на приходы к священникам, в сопровождение поехал один из бойцов, который нас встречал, я прыгнул к нему

в машину. Хороший парень с хорошим русским именем Олег. Если бы не камуфляж, да автомат под рукой, никогда бы не принял за военного, ну совершенно мирный вид у человека. Тронулись.

– Слушай, дак это ополченческая часть что ли?

– Нет, отец, это у нас вообще первая кадровая военная часть.

– Что – реальная воинская часть? Это что – у вас теперь своя армия?

– Ну конечно! А мы – первый батальон. Будут и другие формироваться. Наш, например, называется «Август».

– О, а мы когда на постах слышали, думали, пароль такой. Почему «Август»?

– В честь «Августовской» иконы Богородицы.

– Да ладно? Что – серьёзно?

Тот показывает удостоверение. В самом деле – часть номер такой-то и чёрным по белому: «Батальон «Август» в честь иконы Божией Матери «Августовская». Вот это да! Ну что более радостное можно было узнать про этих воинов? Едем,

разговариваем. Он с первых дней на войне, их станицу по сей день бомбят, жена с ребёнком ездит за ним, а её родители дома, и сейчас на той стороне «под укропами» им там тяжко. Повоевал этот парень с первых дней войны, поотбивался на блокпостах, грустно улыбается – 50 тысяч долларов дают за него украинские спецслужбы.

– Нет, – говорит, – никуда мы не уйдём, сколько горя люди вынесли и от кого?! Сколько погибло невинных мирных людей и за что?! Нет. За такое они должны ответить.

Вот такой боец батальона «Август». Да, страшное дело война, но гражданская война страшнее всего, нигде нет такой обиды, таких моральных переживаний, какие несёт эта война.

Но едем дальше. Темно. Та же – ухаб на ухабе – дорога, блокпосты. Поздно. Ребята стоят начеку, часто высвечиваются из темноты, красным с серебром, кубанки. Хотя у пишущего эти строки предки – сибирские казаки, но и вид кубанки радует. Теперь кубанка – не отличие кубанцев от других, а, наоборот, головной убор, как-бы объединяющий всех казаков. Не сразу находим, но находим дорогу к батюшке. Он встречает нас издалека лучом фонарика. Подъехали, обнялись, познакомились. Молодой, крепкий, открытое лицо – отец Алексей, матушка – ещё моложе, красавица, очень скромная, заботливая и добродетельная. Где вот люди таких находят?!

На стол накрыто. Хоть мы и обедали, но невозможно отказать. Война во всём: дом небольшой – одна комната, несущая стена еле-еле заделана шлакоблоками, даже не оштукатурена – не успели до зимы. Двое ребяташек: один совсем маленький, бегать начал недавно, другой – школьник, класс 4-5-й. Стол, неспешная беседа. Отец Алексей – полковой священник, бывший шахтёр. Говорит больше хозяин – о том, как живут на войне, как бомбили: например, когда «град», тогда, если спрятаться успели, ничего; вот когда «ураган», тогда беда – там в каждом снаряде по сорок мин, раз-

летаются и рвутся, куда деться, не знаешь. Потом многие мины в землю врезаются, оставшись не взорванными. И торчат такие «цветы» по улицам и во дворах, а чуть задел – взрыв. Вот и ходили по дворам и огородам, разминировали.

– А кто разминировал, отче?

– Дак я и разминировал с одним афганцем, кто ещё?

– Ну ты даёшь! Страшновато?

– Да так себе. Я в армии был миномётчиком. Там аккуратно надо. Если взрыватель не заденешь – не взорвётся.

– Ну да. Спаси, Господи.

Этот войсковой священник был участником боевых действий в самое тяжёлое время, стрелять, конечно, не стрелял – священник – нельзя, а вот раненых возил, убитых хоронил, мины разминировал, ездил по передовым, не обращая внимания на стрельбу и бомбёжки, служил молебны. Помогал бойцам молитвой, и я уверен, что не один спасся благодаря его молитвенному заступлению. Кто крестился, кто исповедовался, бойцы брали у него иконочки, тексты молитв, и это спасало в бою. Многие благодаря ему впервые начали молиться. Но основное – это служил, и сейчас служит Божественную Литургию, Причащал людей Христовых Тайн, находясь в нужде с женой и двумя маленькими ребятишками. Тяжёлое время, тяжёлое для всех, и эти священники из Новороссии делят всю тяжесть гражданской войны со своим народом.

Это здесь могут сказать: «Да какие молебны, иконки, молитвы, когда кругом бомбят?» Там такого не подумают, более того, скажу вам удивительное: знаете, вряд ли где-нибудь люди ощущают большее заступление Божие, чем на войне. Какой страшный парадокс! Как далеко мы отступили от Бога, что по-настоящему видеть Его хотим, только когда близко смерть. Только тогда узнаём, что Он всегда был рядом, и если бы мы, люди, не отступали от Него, то не было бы всего этого ужаса. И вот эти священники пробиваются к душам людей, пытаюсь,

во что бы то ни стало, достучаться до них, подготовить людей к переходу в Вечность, когда она так близка, и чтобы вечность эта была Царствием Небесным, была спасением от мук, тоже вечных, для виновников этой трагедии.

Давно была ночь. Матушка (так интересно молоденькую девочку звать матушкой) в кухне за стенкой. От усталости слипаются глаза. Нам троим расстелили на полу в общей комнате длиннющий матрац, там же разложен диван для хозяев и узенькая кровать для школьника. Наверное, не следовало бы писать, но это очень характеризует матушку. (Её зовут Ирина, это имя значит «мирная».) Так вот, мы с водителем-послушником, не имея сил для продолжения беседы (длинный был день), упали на матрац и мгновенно заснули. А наш третий брат как-то держался и слушал отца Алексея. Очень интересно было послушать, однако и он стал валиться от сна.

– Батюшка, куда мне лечь?

Тот совершенно спокойно:

– Где свободное место – там и ложись.

Свободное было только у нас на полу. Однако матушка находилась на кухне, ожидая, когда мы наговоримся, чтобы убрать со стола, а отец Алексей отправил нашего брата спать и не обратил внимания, куда он пошёл. Тот впотьмах зашёл в комнату и увидел только одно свободное место – это пока не занятый диван хозяев, куда и бухнулся, мгновенно захрапел. Матушка трогать его не стала, уложила батюшку на маленькую кровать, а сама с ребяташками легла в единственном свободном месте – ванной комнате. И утром никак никто не подал вида, что мы причинили какое-то неудобство. Удивительное смирение. Жёны многих наших священников, прочитав подобное, сожгут газету в печке, как ересь.

Второй день в Новороссии

Уром, наскоро напившись чая, едем с батюшкой в соседнюю деревню, знакомимся там с местным священником отцом Иоанном (они дружат с отцом Алексеем), и все вместе отправляемся в часть. Беспрепятственно доезжаем. Однако надо сказать, что без наших вчерашних провожатых проверки на блокпостах проходят более тщательно, но доезжаем. «Август» живёт своей военной жизнью, мы стараемся её не нарушать, насколько это возможно. Встречает нас наш старый знакомый с орденом и двое бойцов. Все вооружены. Нас обещали свозить на передовые позиции (туда, где тихо, а где могут стрелять – нас не пустили). Однако в данный момент бойцы ехали на стрельбы. Естественно, мы не могли к ним не прилепиться, правдами и неправдами.

Едем. Нормальное рабочее утро военного времени в момент перемирия, по дорогам передвигается военная техника, где-то с разбитого танка бойцы скручивают нужные для более пригодных машин запчасти, где-то бэтээры сопровождают «КамАЗы» с углём, где-то на машинах ополченцы либо казаки едут по своим постам. Все вооружены, все серьёзны, все заняты делом. Подъезжаем к старому удалённому карьёру – это стрельбище. Бойцы расставили мишени, очень громко и резко зазвучали выстрелы, с непривычки заложило уши. Военные быстро и коротко пристрелялись из АК-72 да бьют, как профессионалы. Война быстро и многому научила этих ребят.

Автомат дают отцу Алексею, тот поясняет:

– Я полковой священник, в боях я участвовать с оружием в руках не могу, но пользоваться оружием нас обучали на курсах военных священников.

Берёт автомат, плавным, точным без промедления движением прижимает его к плечу, направляя дуло на цель, на се-

кунду ствол неподвижно висит, и сразу – две коротких, по два удара, очереди. Двух мишеней как не бывало.

– Ну ты даёшь, батюшка! Да, говоришь, на курсах священников обучали? – с совершенно ехидным лицом спрашивает один из нас.

– Нет, ну я и в армии неплохо стрелял, но на курсах нас, в самом деле, учили стрелять из всех видов оружия, и эти стрельбы против наших отдыхают.

– Да ладно, отче? Это на курсах священников-то? Как так?

– Да вот так, отец: война есть война.

Мгновенно каждый из нас, воспользовавшись тем, что мы с солдатами уже сдружились, выпросил разрешение на пару выстрелов. Не смогли нам отказать военные, позволили, под строгим присмотром, справедливо причисляя монахов к детям. Ну что можно сказать? Страшная вещь оружие для человека с мужским естеством. Выстрелил несколько раз из АК-72 и всё – и руки прилипли к цевью так, что не оторвать, и не хочется больше никуда ехать, а хочется рвануться в бой за правое дело, косить врагов православия либо пасть самому в неравной борьбе, но оружия не выпустить. В общем, целая буря рождается в груди после того, как в твоих руках заговорило оружие. Посему единственное, что я могу с уверенностью сказать после стрельб – монахи, бойтесь оружия!

После такой встряски мы поехали на «передовые», то есть в расположения бойцов, которые находятся максимально близко к украинской границе. Может, это не были окопы самого первого ряда, но это был последний укрепленный бэтээром пост перед границей. Там все участники боевых действий, ведущихся в данное время, тут же стоит, покрытый белыми полосами маскировочного покрытия, бэтээр, все ребята вооружены. Говорят, ещё утром было несколько взрывов в соседней деревне. Отслужили молебен прямо на дороге возле бронетранспортёра. После совместной молитвы отец Алексей

сказал по-военному краткую проповедь, какое-то время пообщались с бойцами и, обнявшись, распрощались в надежде приехать ещё.

Сложные, но всегда очень тёплые и трогательные чувства оставляют эти встречи с молодыми ребятами в камуфляже. У некоторых из них в руках автоматы, у кого-то СВД (снайперская винтовка дальнего действия), у кого-то миномёты и прочее. Они отчётливо сознают, что совсем рядом – люди с не менее серьёзным оружием и твёрдым намерением их убить, люди, которым они никогда не сделали ничего плохого – те, кто нещадно бомбили неделями деревни с их родными и близкими, те, кто не имеет представления, что такое, когда бомбят твоих родителей, жену и детей. И они ненавидят (почему?! за что?!) всё, что тебе дорого. И это твои соотечественники, и они не остановятся, и они совсем рядом. Страшное дело – гражданская война.

Такие чувства владели нами, когда мы выехали с передовой и тронулись в сторону следующего такого же поста. Однако машина, на которой мы ехали, неожиданно и непоправимо сломалась. Мы прижались к обочине дороги, и наши сопровождающие вызвали по рации другую машину, которая могла довезти нас только до части. Там нас, естественно, сразу и предельно накормили, после чего повели знакомиться с комбатом. «Батя» был у себя и мог нас принять. В кабинете находились аккуратные взрослые офицеры, кто-то заходил-выходил, какие-то девушки с пистолетами в кобурах под мышкой приносили подписывать документы – параллельно обсуждались различные проблемы, которые можно было безболезненно решать при гражданских. (Это мы-то гражданские? А мы уж себя считали почти что их однополчанами.)

Твёрдое рукопожатие и простое искреннее расположение офицеров как бы удалило излишнюю скованность, а беседа

стала простой и естественной, причём одновременное решение тех или иных вопросов никак не влияло на внимание к нам командиров. Конечно, сразу спросили про «Август», и комбат мало того, что рассказал, как родилось название батальона и участие в этом отца Дмитрия из Бугров, но подробно объяснил тем, кто не знал, что явление Матери Божией было в Августе во время Первой мировой войны, когда большая группировка русских солдат оказалась в окружении. Как они по велению Матери Божией вышли из вражеского кольца и разгромили врагов. О том, как такое же явление в подобной же ситуации было во время Великой Отечественной войны. Причём присутствующий здесь же один из заместителей комбата с большей, чем обычно, но аккуратно подстриженной бородой, сделал в процессе рассказа несколько пояснений, обнаруживающих совершенное знание им православных христианских догматов, чем просто вызвал наше духовное ликование.

Согласитесь, что не каждый раз можно встретить в военной обстановке офицеров мало того что верующих, православных христиан, но и обладающих знанием христианских догматов, хорошо разбирающихся в Священном Писании. Такие у кого угодно вызовут уважение. Обсудили с отцом Алексеем различные наболевшие вопросы, встречая полное единодушие во взглядах на существующее положение. Обменялись данными и расстались до завтра. Был вечер, мы тронулись уже без сопровождения, отцы-священники были провожатыми, а на блокпостах знали не только их, но и мы, грешники, примелькались, сопровождаемые везде добрыми улыбками стоящих в ночном дозоре бойцов.

Мы развели в храме, где служит отец Алексей, комнатку, где была складирована гуманитарка, и напросились ночевать там, однако без ужина нас не отпустили:

– Матушка приготовила, старалась. Нельзя, отцы, не обсуждается.

Снова тёплый семейный ужин и тихая, спокойная беседа, с темой никак не соответствующей формулировке «тихая, спокойная».

– Первое время их авиация очень доставала, а сбить не могли. Их «СУшки» выбрасывали тепловые ловушки, и ракеты из ПЗРК уходили мимо. Прямо фейерверк такой вокруг самолёта, – улыбнулся отец Алексей, – матушка вон насмотрелась этих сияний.

Молоденькая, внешне просто девочка, матушка, мать двоих маленьких ребятешек, по-взрослому, молча без улыбки кивнула головой – да, дескать, насмотрелась, век бы их не видеть.

– А потом другие ПЗРК раздобыли, которые на радиосигнал били, и всё – на этом закончилась их авиация. Вы не поверите, по телевизору этого не говорят, но были дни, когда наши по четыре «СУшки» за день сбивали. Вертолётов этих сколько ребята перебили.

Коротко и грустно вздохнул. Знаете, постоянно скорбный взгляд у этого священника.

– Потом стали они бежать кто куда, а наши их долбить со всех сторон. Конечно, русские добровольцы помогли, казаков-героев много. Это сейчас, когда всё стихло, начинаются нестроения между населением и казаками, а тогда все были рядом. «Градов» этих сколько отбили, много полегло народу. Это хорошо, пленные помогали хоронить, а так бы мы не справились. Хоронить надо и тех, и других, лето, жарко, оставь лежать трупы – легко может начаться эпидемия, а люди боятся хоронить. Не столько трупов, сколько мин неразорвавшихся от «Ураганов», растяжек хватало, да и других ловушек, так что одновременно приходилось и хоронить, и разминировать. Да...

Вполне понятно, мало желающих для такого занятия. Беседа могла длиться и длиться, и матушка бы сидела и терпела нас, да мы были без сил. Извинились, поблагодарили и трону-

лись к храму на ночёвку. Наконец, мы в Храме Божиим – дома. Добрались до заветной комнаты с расстеленными матрацами и, наскоро по-дорожному помолвившись, провалились в небытие.

Третий день в Новороссии

Ровно одну немислимо короткую секунду (пусть это звучит абсурдно) длилось это небытие, его просто не было, а первой утренней мыслью стала: «Нет, это людоед какой-то, а не будильник». Однако темнота уже была проницаема, выбор отсутствовал, надо было вычитывать правило, будить спутников и идти в Храм читать утренние молитвы. Наши отцы были в этот день заняты неотложными делами, так что нам предстояло добираться самим. На вопрос, сможем ли мы добраться сами, некто из нас с предельно убедительным видом ответил, что, конечно, сможем, у нас же навигатор. Бесконфликтно возражать не представлялось возможным, и мы, воздержавшись от этого, двинулись в «Август» одни. Конечно, наш навигатор не знал тех дорог, по которым можно было ехать в настоящее время, и вёл нас непонятно куда. Конечно, мы потерялись, конечно, долго не могли с этим смириться и, конечно, смириться были вынуждены.

– Слушай, парень, ты не знаешь, где находится батальон «Август»?

Перед нами первый попавшийся паренёк в немного великоватой военной форме.

– Ну я с батальона «Август», а что?

Паренёк с очень симпатичной девушкой (тут вообще, кстати, очень красивые девушки).

– Да нет, нас там ждут, просто мы потерялись и не поймём, где находимся, подскажи, Христа ради, как проехать?

– А кто интересуется? – тоном гэрэушника спрашивает паренёк.

Так-то вопрос простой, да вот, поди, ответь.

– Ну, мы монахи, приехали из России (как будто он не видит наши номера и наши бородатые физиономии) к ним в гости. Слушай, да они нас знают хорошо, ты нам просто покажи, как доехать, а лучше проводил бы, а?

Паренёк, говорит:

– Хорошо, поехали. Садись.

Это он своей девушке. Вместе садятся в машину и едут с нами.

– Езжайте так-то и так, тут сворачиваем, а вот светофор, здесь вам сразу направо. Поняли? А мы дальше не поедем, уж извините. Понимаете, у меня увольнение только до вечера, тем более, вы уже приехали.

– Ой, спаси тебя Господи, всё понятно. Дак там и расположен «Август»?

– Да нет, там расположен блокпост, вот они вам всё покажут и всё объяснят.

«Красавец!» – эта мысль одновременно возникла у всех нас. В самом деле, буквально в метре впереди за углом оказался блокпост, который нам невозможно было миновать, реши мы даже просто развернуться. Мы уже были в пределах его видимости. Однако мы уже третий день с разной периодичностью проезжаем через эти блокпосты, нас узнают, улыбаются, звонят в «Август» и пропускают.

– Давайте, отцы, вас там ждут, часть сразу за поворотом, вас у проходной встречают.

Ещё минута – и мы оказываемся в кругу наших военных знакомых. Командный голос, красный орден на груди, автоматы, «муха», камуфляж, «разгрузки». «Все по машинам!». И мы уже раскачиваемся в воинском микроавтобусе, перед нами на водительском месте плечи постоянно заботящегося о нас

Анатолия, это его машина вчера была угроблена во время нашей поездки. Толя так же воюет с первых дней, тоже семья, дети, а он постоянно на войне. Слева перекрывал весь обзор обладатель командного голоса, человек, который, собственно, и организовал всё обеспечение наших передвижений по Новороссии и лично сопровождал нас через границу в обе стороны. Очень мы ему за это благодарны. Спаси его, Господи. Но оста-навливаемся.

– А это, отцы, Саур-Могила.

Перед нами мемориальный комплекс советских времён, памятник погибшим в боях. Невысокая плоская стела с краткой историей и мраморный крест, сбоку старая «памятнико-вая» техника: две Т-тридцатьчетверки, «Катюша», да пушка-сорокапятка. Памятник побит осколками, крест разбит и лежит на земле, рядом живые цветы, следы от миномётных попаданий, чуть в стороне – два длинных ряда свежих могил, на могилах цветы. Подошли, помолились, отчитали литию. Да... Вокруг воронки, место это бомбили серьёзно.

Но идём дальше. Комплекс очень большой по площади, в несколько широких ярусов с рядами разбитых миномётами ступеней, которые поднимают на разные уровни к различным скульптурным группам, изломанным стенам с надписями и отдельным памятникам, посвященным Великой Отечественной войне. Всё это грандиозное сооружение служило укреплённым пунктом для наших ребят. На самой верхней площадке огромная стела. Эта стела лежит разрушенной, растянувшись вниз, напоминая некий каменный поезд после крушения. Здесь наверху везде разрушения просто чудовищные. Разбитые, изуродованные остатки памятников выглядят кошунственным гротеском, вокруг сплошь воронки, осколки от снарядов, на верхнем «пяточке» разбросаны скрученные изуродованные куски металла – это клочки разорванных зениток, из которых бойцы били прямой наводкой по противнику. Господи, как же можно

было сохранять разум среди такого? Здесь же стоит семь свежих могил. Семь! В этом аду отбивались всего семеро ребят. На первом же кресте стоит 1979 год рождения, есть моложе. Оглушённые, стоим, молимся. Господи, что же это такое?!

В себя приводит вибрация движущейся машины и размеренный голос Анатолия. Он ведёт машину и рассказывает, как отходили, когда «укропы брали» Саур-Могилу (вот ещё название!), как те ребята остались одни и отбивались до последнего. Про другие бои. Про других героев, тех, которые воевали с ним бок о бок, которые были особенно дороги и которых не вернуть.

– А когда выбивать стали «укропов», впервые увидел добитых раненых, особенно когда «Айдаровцы» бежали. Смотрим, лежат трупы, у кого-то бок прострелен, нога перебита, ну раненый, короче говоря, и горло перерезано. Да...

Тормозит наш микроавтобус.

– Смотрите, как Степановку разбомбили.

Мы стоим посреди разрушенной бомбёжкой деревни.

– Это они «Градами», здесь гражданские тоже гибли.

Господи, помилуй, это деревня с мирными жителями. В центре несколько уцелевших домов, рядом стоят трое престарелых мужчин и две женщины такого же возраста разговаривающих между собой о насущных проблемах. Подходим.

– Как пережили? Да кто в погребках, кто где. Сами не знаем, не думали что выживем.

– Почему не ушли? Не верилось, что они способны на такое. А потом, ну куда пойдёшь из родного дома? Тогда везде бомбили. Да и некуда нам идти, и не на что.

Не поворачивается язык расспрашивать подробно о страданиях этих людей, окружающие разрушения говорят сами за себя. Однако люди эти спокойно с нами разговаривают, они совершенно точно понимают, что это война не с ними, это война с Россией – с нами. Там этого не увидит только сле-

пой, но слепых мы там не встречали. Просто сейчас на линии огня – они, потому что они и есть Россия, и они не отступили. Внутри рождался вопрос: «Как насчёт нас?».

К вечеру стало затягивать туманом, быстро темнело, мы тронулись обратно в часть. Там быстро распрощались, надо было ехать. Отец Алексей с матушкой ждали, задерживаться было неудобно. Командный голос:

– Подождите. Кто-нибудь вас проводит.

Здесь некто из нас авторитетно заявил, что у нас прекрасный навигатор, утренняя задержка была чистой воды недоразумением, а сейчас мы, вне всякого сомнения, доедем без проблем. После всего виденного все были захвачены переживанием впечатлений, и совершенно точно не хотелось спорить. Мы смирились, не обращая внимания на слова одного из бойцов, обращенных к майору (человеку с командным голосом):

– Ты что их одних отпускаешь?

Оправдания майора мы слышали отъезжая:

– Дак они же утром доехали сами, тот вон дорогу хорошо знает...

Но мы уже ехали, еле успевая за то и дело исчезающей в темноте машиной с навигатором. Время от времени из тумана проявлялись блокпосты, тут же в тумане и растворяясь. Дуло автомата, серебряный крест на кубанке и снова тёмное молоко. Дорога становилась всё менее похожей на дорогу, блокпосты как-то подозрительно перестали выплывать из тумана. В голове начали всплывать рассказы о том, что кое-где есть небольшие группировки «укропов», окружённые нашими ополченцами, но подъезды к ним на дорогах перекрыты. Однако это на дорогах, а путь нашего следования, совершенно точно, дорогой уже назвать было нельзя. Невольно размышления приняли другой характер: «А интересно, сколько это – «небольшая группировка» или «Вот дураки, надо было хоть оружие попросить с собой». Наконец и, надо сказать, вполне

всеми ожидаемо, машина с навигатором обескураженно остановилась. Дальше проезда не было, а куда надо ехать, было непонятно.

Некто из нас:

– Да, навигатор, видимо, какую-то древнюю дорогу показал, а она сейчас не существует. Надо ехать как-то по-другому, а он (навигатор) других дорог не показывает.

– Спаси, Господи, очень хотелось бы сказать, что это неожиданно.

Поехали обратно, не зная куда. Наконец, выехали на дорогу, кого-то встречали в тумане, и он куда-то показывал, а это не было нужным направлением. Останавливали очень редкие (просто две за всё время) затерявшиеся в тумане машины, спрашивали, разворачивались и ехали обратно. Потом выходили с фонариками, снова искали кого-нибудь. Часть дороги до какого-то поворота проводила мимолётная легковушка. И т. д., и т. п.

Воистину, Господь не хочет смерти грешника, и мы выбрали вопреки всем навигаторам. Короче говоря, задержались прилично, приехали чуть живые от усталости и голода. Батюшка с семьёй ждали, и мы сразу за стол. Руки мыли.

Забегала совершенно расстроенная соседка, рассказывая, что им перечислили за уголь по одной тысяче гривен на карточки, а банки по карточкам расчёты не производят, банкоматы не работают. Просто впрямую обманули людей – «кинули». Это при том, что материальное положение людей самое катастрофическое. Сегодня утром, когда мы блуждали в поисках части, вдруг увидели лежащую на дороге старушку. Машины впереди проехали по инерции, и мы чуть не проскочили. Резко тормозим, подбегаем:

– Бабушка, дорогая, что с тобой?

– Да запнулась и упала, а подняться сил нет. Ну не могу и всё тут.

Поднимаем. Приятная, аккуратная старушка, на лице давно застывшее выражение горя.

– Пенсий нет несколько месяцев, продукты закончились, сил нет уже никаких.

Делимся, конечно, всем, чем можем. Кто к ним в деревушку повезёт какую гуманитарку?

И таких старушек мы видели как минимум ещё двух. Одна буквально шатается от голода, вторая – в разорванном старом пальто, опирается на палку, отломанную от дерева, под мышкой буханка хлеба, вся в грязи – падала несколько раз. У них общее выражение горя на лице. Это выражение стало чертами их лиц. Ну откуда им ждать помощь? Уехать у них нет способа, а близкие – у одних погибли, у других уехали, у кого-то просто никого уже не осталось – старость. Этим бабушкам труднее всего, за что они страдают? Что они могут сделать? Как себя защитить? И это наши матери. Война – вот из-за этих бабушек – всегда будет непростительна.

Беседуем обо всём этом с отцом Алексеем и снова о бомбёжках, сбитых самолётах, минах-растяжках. Вспомнили слова Толи о добитых «укроповских» раненых, батюшка сразу:

– Та мы тоже раз, когда к нам пленных привезли, разбирали «КамАЗ» с трофеями, находим штык-ножи, их собрали с поля боя, они были брошены отступающим правым сектором, много ножей и все в запёкшейся крови. наших они точно не резали, это только своих могли.

Оказывается, что и вовремя таких разговоров, могут слипаться глаза. Мы, чтобы не уснуть за столом (очередной раз), прощаемся с нашими гостеприимными хозяевами и едем в Храм на ночёвку. Завтра день апостола Андрея Первозванного, мы утром должны поехать в деревню Есауловку к отцу Иоанну – он будет служить Литургию. Так что необходимо было ещё подготовиться ко Причастию.

Четвёртый день в Новороссии. Отъезд

Утром, вычитав положенные молитвы, едем в Есауловку в храм, где служит отец Иоанн, друг отца Алексея. Саму деревню толком не рассмотрели, просто приехали затемно, а храм недалеко от выезда, так что после службы заезжать в деревню было уже не с руки. Храм достаточно большой, чисто прибранный. Прихожане старательно ухаживают за церковью, любят Храм Христов. Все в церкви не новички, приход явно давний, сплочённый, смотрят на нас приветливо и с интересом. Отец Иоанн служит тихо, неспешно, с благоговением совершает Литургию. А храме все молятся, нет людей посторонних или малоцерковных, все «свои». Очень понравился клирос, сестры поют профессионально очень красивыми голосами, в то же время не громко и очень молитвенно. Ну прямо будто в Шамординскую обитель попал. Помолились, причастились Христовых Тайн и в дорогу. Немного поговорили с отцом Иоанном, те же самые проблемы, та же беда война. Он настоятель храма, тоже супруга и двое детей, человек открытый, простой в общении, выглядит очень смиренно, прямо по-монашески. До него был настоятелем всеми любимый старец. Отец Иоанн подарил нам каравай хлеба в дорогу и сказал несколько простых слов:

– Благодарим за участие и солидарность, жалко расставаться, ну что ж... Ангела хранителя вам в дорогу, езжайте с Богом к себе, а мы останемся воевать, и будем со своими прихожанами делить все трудности войны.

Последние слова приведены дословно, они попали болью прямо в сердце. С таким смятением в сердце от простых и искренних слов сельского священника военного времени мы двинулись в «Август». Сегодня день нашего отъезда из Новороссии.

В «Августе» своё течение военной жизни. Внизу, на первом этаже, – вооружённая охрана – караул, вверху, в холле, – шеренга солдат, там развод, военные спешат по делам вверх и вниз по лестнице. Возле кабинета «Бати» ожидают несколько человек, периодически заносит документы девушка с пистолетом под мышкой. Однако неотъемлемой частью жизни батальона является и молельная комната. В одном из кабинетов здания устроена нормальная походная часовня. Здесь молятся, это очевидно. Аккуратно и бережно расставлены иконочки, удобно под рукой лежат тексты молитв. Конечно, в центре икона Матери Божией «Августовская». Помолились. Вообще, надо сказать, что очень легко молится в Новороссии, подобная повсеместно благодатная молитвенность мною была прочувствована, может быть, только на Афоне, а так – лишь вблизи некоторых старцев-молитвенников.

Нас приглашают к комбату. Мы прощаемся, благодарим за такой радушный приём. Разговор снова возвращается к «Августовской» иконе Богородицы, любят здесь этот Образ. Жмём друг другу руки и трогаемся в обратный путь. Вот и эти прекрасные люди остаются воевать и делить все трудности войны со своим народом. Нашим народом. Эти мысли будут с нами теперь всегда. Обратная дорога – это уже знакомая военная дорога: разрушенный мост, пара сгоревших танков, в одном возятся военные, вытаскивают какие-то запчасти, машины то с казаками, то с ополченцами. Пустынный ландшафт зимнего Юга, да кое-где выпирают огромные терриконы угольных шахт.

Дорога пролегает через Новосветловку. По приезду мы проезжали её в темноте и толком не рассмотрели. Новосветловка была почти полностью разрушена при захвате её нацгвардией. Подъезжаем к прекрасному храму. Он пострадал, но не разрушен. Несколько попаданий пробили дыры в стенах и куполе, побиты осколками росписи внутри церкви. Возле хра-

ма работают двое пожилых мужчин, всю идёт ремонт. Подошла женщина. Зовут Анна. Она с этого прихода и находится при храме почти постоянно. Здравомся.

– Христос посреди нас, матушка.

– И есть, и будет. Откуда, отцы?

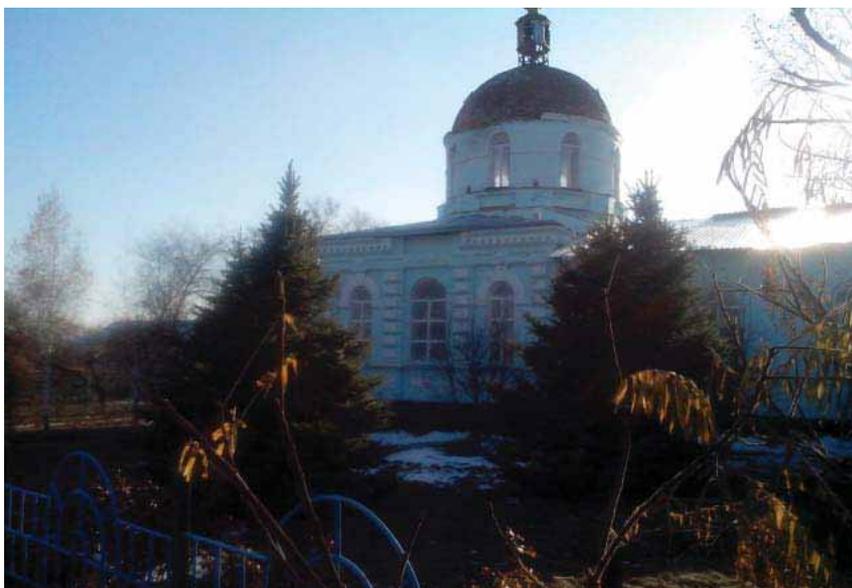
– Сторожно. Санкт-Петербургская митрополия. Да храм у вас мученик. Покажешь?

– Конечно. Идём. Тут все мученики, все претерпели.

Заходим в храм, и первое ощущение – это буквально со всех сторон изливаемая, лёгкая, как пух, благодать.

– К нам все, когда заходят, первое что говорят – у вас в церкви чувствуешь себя, как на крыльях...

Да, здесь все были мучениками. Новосветловку нацгвардия бомбила «по-чёрному» и без передышки, в домашних погребках прятаться было бессмысленно, самое безопасное место было в подвале этого храма. Мать Анна рассказывает, по её лицу катятся крупные, с горошину, слёзы. Рядом стоят ещё несколько человек, очевидцев всего.

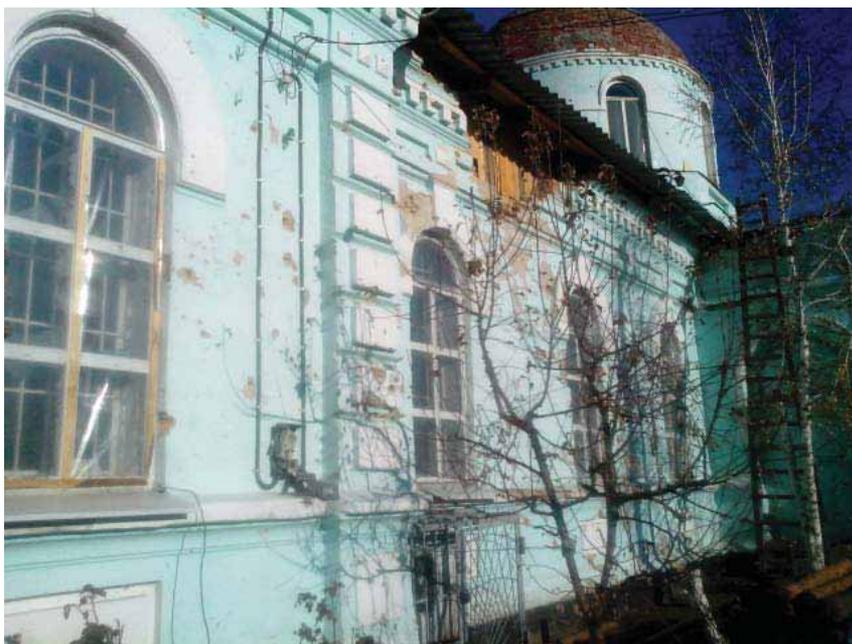
– Господи, что мы пережили. Всё грохочет, трясётся, вокруг раненные, на улицах убитые, только высунешься из подвала – и снова бомбят. Никогда не думали, что выживем. Рвутся снаряды, летят осколки, в подвале голодные, измотанные этим кошмаром люди, перепуганные насмерть ребяташки, прямо здесь в подвале рожала женщина во время бомбёжки. Господи, какой ужас.

18 дней бомбили Новосветловку, долбили из всех видов оружия, после чего она была занята «укроповским» подразделением нацгвардии «Азов». «Азов» располагался непосредственно в храме, здесь спали, здесь ели, что нужно, брали, везде лазили, включая Святой Алтарь, что само по себе является осквернением святыни. И Анна говорит:

– Слава Богу, они нас не насильовали и не оскверняли алтарь, а иногда давали продукты голодающим.

Нужно сказать, что всегда давали продукты питания совершенно беззащитным и страдающим от голода людям все захватчики, если имели надежду на то, что после захвата воспользуются захваченными территориями. Делились продуктами с местными жителями и немцы, и французы, и монголы. Однако, первое, за что благодарила Бога мать Анна, – это за то, что эти захватчики не насильовали их, совершенно ошалевших после 18-дневной бомбёжки. Это не просто так было сказано. Рядом в деревне Хрящевка стоял батальон «Айдар», там эти существа создали ад, «айдаровцы» насильовали девочек и мальчишек. Очевидцы рассказывают, как воины Ляшко («Айдар» – это его батальон) оскверняли Святые Алтари в захваченных ими храмах. Стыдно описывать их «деяния», но, вне всякого сомнения, что это прямая, откровенная форма сатанизма.

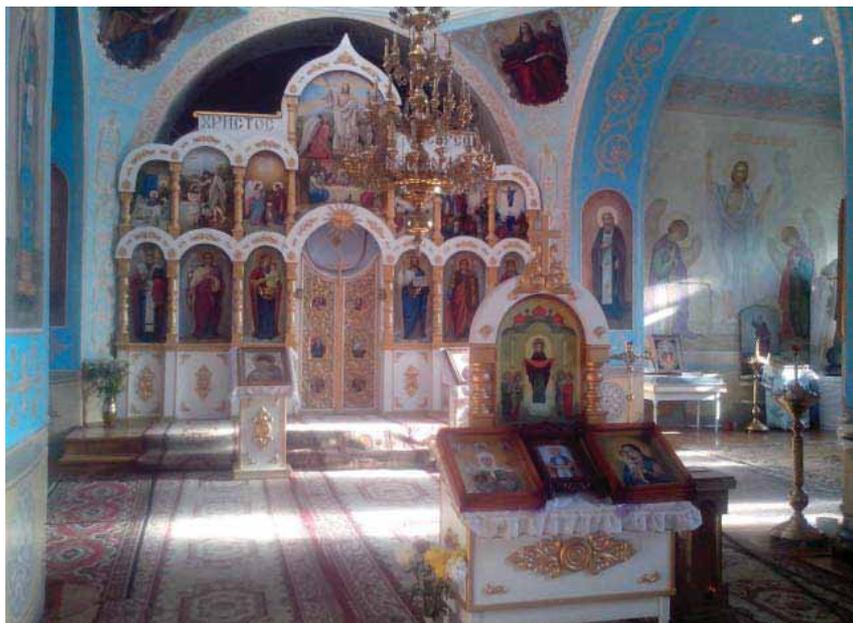
18 дней бомбили Новосветловку, и по лицам людей сознаёшь, что никогда не сможешь прочувствовать то, что пережили это русские люди. Анна всё плачет:

– Господи, что мы пережили. А сейчас бомбят Светлый Луч – бедные люди, как же им плохо.

В голосе такая доля сострадания, что стыдно стоять рядом человеку, не испытывавшему такое, не могущему понять всю тяжесть мучений, выпавших на долю людей, переживающих кошмар бомбёжки прямо сейчас. И тем более страдающих тем людям, которые уже прошли через эти круги ада и отчётливо понимающих то, что этим ад не закончился, что возможно повторение всего, но возможно и худшее, ещё не испытанное и именно этим особенно пугающее.

Обратная дорога продолжалась. Была таможня, был переезд через границу на мирную территорию. Была встреча с близкими казаками. Мы обменивались приветствиями, какими-то словами, что-то ели и снова беседовали... А перед внутренним взором стояли эти люди, крупные слёзы, как огромные градины, катятся по их щекам, звучат слова Анны и других встреченных нами людей.

Знаете, самое трудное? Не остаться в Новороссии с этими людьми, не разделить на всегда свою судьбу с ними. Если есть зло (а оно есть) и если нам должно с ним бороться (а нам должно), то это как раз то место, где это нужно сделать. И уезжая оттуда, оставляя там всех этих красивых людей на растерзание непонятно кому, начинаешь чувствовать себя предателем, предателем всего доброго, что есть в людях. И невозможно опровергнуть в себе это чувство. Просто твои глаза, уши, сама душа твоя обличат тебя, если ты был там. Твоя совесть говорит тебе: «Ты должен вернуться и помочь своим соотечественникам – или ты не русский человек». Остальным лучше не ехать, не касаться «чужого» горя и не знать того, о чём пишет сейчас грешный монах.

ПУТЬ К МИЛОСЕРДИЮ

(поездка вторая)

Сборы

На этот раз в дорогу нас толкнуло самое что ни на есть чувство долга. Зима. Январь, перед Крещением. На Донбассе тяжело, и ко всем проблемам там начались бои почти по всем фронтам.

– Ну что будем делать, отец? Я тут чуть подсобрал гуманитарки...

Это наш казак.

– Да, честно говоря, не знаю. Послушай, Тарас, не можем мы бросить всё, выйти из монастырей, а на церкви повесить замки. Естественно, мы непутёвые, но всё ж таки монахи. Мы же дали обеты.

– Отец, там люди голодают, стрельба вон началась направо и налево...

– Да не говори... Опять война. Конечно, я понимаю, что уж если ехать – то ехать сейчас. Тут надо подумать. Давай так: сразу после Богоявления – служба в Сторожне, служить будет игумен, вот я у него благословение испрошу, и поедем. Иначе всё равно никак не получится.

– А если не пустит?

– На всё Воля Божия, но наш должен пустить, всё же там у людей горе.

– Добро.

Не долго, честно говоря, нас уговаривали.

Крещение в Сторожне. Морозец, удивительной красоты погода, тихая служба в небольшом храме, на клиросе знаменное одноголосье. Спокойно, радостно, молитвенно. После при-

частия Великое освящение воды, несколько человек купались, одного из белорусских гостей крестили полным погружением, невзирая на двадцатиградусный мороз. Затем Крестный ход и праздничная трапеза.

Каждый раз удивления достойно, как наша небольшая братия умудряется наготовить на всех гостей и приготовить, при том, всё вкусно. В общем, после двух-трёх поздравлений говорим с игуменом о поездке, он всё знает и всё понимает.

– Давайте, отцы, Бог благословит, куда не денешься, помочь людям мы должны, храни вас Господь.

Всё, благословение получено, быстро собираемся и на следующий день с утра – в путь. Заезжаем к игумену на подворье.

– Батюшка, собираем, у кого можем, а у вас нам и просить как-то стыдно (было бы стыдно, так и не просили бы), но может быть?..

Однако игумен, распрямившись, со словами «Хоть мы и в рваных штанах, а Донбассу в беде поможем» выложил, что смог, и мы двинулись в Питер. Там нас ждали наши близкие (кто и всегда – родители, бабушка и дядя моей крестницы), тоже собрав деньги со всей семьи. Это обычно основные наши средства. Кроме этого, казак наш собрал в храме святой Ольги пожертвования, заполнив у отца Александра полтрапезной. Всё сгрузили, получили благословение отца Александра, так же он попросит молитв батюшки Иоанна (Миронова) (хотя старца просить не надо, он всегда знает, что у нас происходит и молится за нас). После всего этого едем в милую сердцу Вырицу к нашим, тоже давно ставшим родными, отцам Кириллу и Мефодию, без них мы такие дела не делаем. Короче говоря, собирали помощь на Донбасс с теми же, с кем и всегда. Вот за что я люблю своих близких, так это за их постоянство в добре, неизменную устремлённость к любой добродетели. Основными духовными двигателями были наши вырицкие отцы, а духовная сердцевина всего – старец отец Иоанн.

В общем, всё было почти как всегда, но почти. Загружали мы тот же микроавтобус из Вырицы, да из Сторожны «УАЗик» с многострадальной «Газелькой» – и загрузили «по полной». Оставались некоторые финансовые неясности относительно дороги. Но рано утром звонит наш сосед из Сторожны. (Он никогда так рано не звонил, работает человек в какой-то серьёзной «конторе» и времени на пустые разговоры не имеет.)

– Да, доброе утро, рады слышать, как дела?

– Слава Богу, просто вот хотел узнать, как дела у нас в деревне, в монастыре?..

Это в полвосьмого-то утра. Уже интересно.

– Мы не в монастыре сейчас, а в Питере, помощь на Донбасс собираем.

– Когда выезд?

– Послезавтра утром, если Господь будет к нам милостив.

– Слушай, отец, – подъехал бы к моей работе на пару слов?

На пару – это немного.

– Хорошо, говори куда, завтра днём постараемся.

Сосед наш, надо сказать, имеет постоянное попечение о нашем монастыре и ещё о некоторых обителях. Дела таких немногих много дурного в мире истребляют. Ну, подъезжаем на другой день к нему. Тот не сразу выходит, но скорым шагом, аккуратный, подтянутый, в общем, вид самый офицерский. Приветствует. И, сверкнув на солнце подполковничьими погонами, буквально повторяет мои слова.

– Конечно, отцы, если ехать, то ехать сейчас. Я тут пока выходил, собрал по отделам, что мог, – держите.

Даже на первый взгляд было понятно, что, во-первых, выходил он дальней дорогой, а во-вторых, что сегодня в «конторе» кое-кому вечером не на что будет заправиться. Ответственный человек наш сосед. Таким образом, все наши финансовые сомнения были устранены, и даже кое-что осталось на «всякий пожарный». Слава Богу. И раз уж оказались в центре Питера – звоним в редакцию отцу Александру.

– Да, слушаю.

Добрый тихий голос батюшки.

– Батюшка, дорогой, мы в Донбасс едем, помните, вы хотели книжек на приходы передать? Так, может, передадите немного?

Тот тихо-скромно:

– Помню. Немного можно передать. А когда будете? Сегодня? Хорошо.

Ещё более скромно и тихо:

– А сколько вы возьмёте? Тонну, две, три?..

– Да нет, ну какую тонну, батюшка? У нас всё забито, килограмм 100-200, больше просто некуда.

– А что так мало? Ну ладно, приготовим, подъезжайте.

Едем на Кирилловскую, там нас ждут 10 полных коробок из-под бананов, заполненных прекрасными книгами. Батюшка сетует, что мало, и так же смиренно, как говорит, протягивает финансовую помощь, отказаться невозможно, однако с деньгами соседа наш «всякий пожарный» превышал всё же меру всякой пожарности, так что вполне можно было ещё одну «Газель» загрузить. Время позднее, однако, звоню нашему казаку:

– Здорово ночевали, казак.

– Слава Богу, отец, рад слышать.

– Слушай, а вот интересно – сколько стоит взять в аренду на несколько дней «Газель»?

Мгновенно всё понял наш казак и всю свою фонтанирующую энергию вложил в это дело. То есть не дал спать часов до двух ночи ни мне, ни своим близким, ни людям, неосторожно выставившим к этому времени объявления об аренде машин. А в половине седьмого утра разбудил меня телефонным звонком:

– Всё, нашёл машину сразу с водителем, договорился туда и обратно, машина крытая берёт пять тонн.

– Подожди, подожди, Тарас! Какие пять тонн? Мы же договаривались «Газельку» тонны на полторы-две? Я уже и так всех своих родных и близких ограбил...

– Я ещё не всех. Давай прикинем, что имеем.

Прикинули.

– Остальное (остального тонны на три-четыре) я найду, останется дорога и аренда машины.

– Хорошо. Это мы постараемся решить.

– Добро, отче. С Богом.

- С Богом.

Это был уже объединённый многими людьми гуманитарный груз. Многие, самые противоположные люди, независимо друг от друга, были в этой точке объединены в деле добра. Основная база, естественно, – Вырица, туда всё свозили, загружали, все сборы там. Конечно, наши вырицкие отцы, как всегда, разделили с нами расходы, и все затруднения были преодолены.

Дорога. День первый

Утром в день выезда – обязательный молебен. Потом окропили Крещенской водой машины и нас с братией, после чего обняли, благословили, и мы тронулись в путь. Вначале – мы в «Газельке» с вырицким микроавтобусом, потому что нам предстояло догружаться в Новгороде (там делали хорошие скидки), а наш казак загружал пятитонку на складе у братьев-грузин: те тоже жертвовали, что могли. Тата – название четвёртой машины-пятитонки, водителя звали Игорь. Они в паре с нашим послушником водителем «УАЗика» должны будут догнать нас где-то на трассе вечером. Замедляло, конечно, всё это наш отъезд, но что же делать? Господь ставил нас в такие обстоятельства, которым мы не могли противиться.

Загрузившись в Новгороде, мы только к вечеру смогли добраться до Валдая и там дождались «УАЗик» с Татой. Всё пока в допустимых пределах. Едем вшестером – мы с двумя

послушниками, брат из Вырицы, водитель Таты и человек с позывным «Вар» (он из Антрацита, находился в Питере, пока было перемирие, теперь возвращается). Время, правда, потеряно, и, похоже, загрипповал наш послушник с «УАЗика». И ещё у всех тревожило сердце. Нет, в этой поездке нами двигали совершенно другие чувства. Основное – тревога за людей. Господи, как они там?

Глядя в телевизор, видя и слыша всё, тем не менее, мы не проникаемся происходящим. Наблюдая за событиями на экране, мы видим горе и слёзы людей как бы за барьером экрана. Того экрана, за которым мы видим сказки, фантастику, розыгрыши, самого различного рода вымысел, включая прямую откровенную ложь. Мы привыкли к этому. За время существования кино и телевидения мы, всё больше и больше этим телевидением пользуясь, одновременно, тем не менее, утверждались и, наконец, твёрдо внутренне утвердились в том, что там – мир вымысла, мир реально несуществующего, того, чему верить нельзя. И самое ужасное то, что нам от этого стало легче.

Это произошло не сразу и не по нашей только бесчувственности. Просто когда годами внимаешь голубому экрану, скажем, во время передачи новостей, различных политических реалий, программ партий и прочего, точно зная, что это говорится от лица людей самых официальных, напрямую от правительства, однако потом узнаёшь, что это была прямая, заведомая ложь, а следующее поколение (в реальности намного раньше) выясняет, что и следующая информация оказалась ложной, либо полуправдой, что в любом случае есть лукавство – и так неизменно и без конца, из года в год, из поколения в поколение – в таком случае против воли, на уровне подсознания (просто срабатывает инстинкт сохранения разума) перестаёшь верить тому, что там говорится и показывается, как беспроблемному лжецу, о котором ты точно знаешь, что он просто не может сказать правду, не способен.

И вот когда говорят и показывают из телевизора о настоящей горе, мы, тем не менее, видя и слыша это из источника заведомых фантазий, конечно, не способны вполне воспринять, тем более проникнуться происходящим. Наше недоверие к источнику в целом невольно распространяется и на всё, что из этого источника исходит. Это всеобщий духовный капкан, в который попало всё человечество, и очень возможно, что последствия этого непредсказуемы. Однако оставим в стороне этот капкан, вместе с последствиями, всё это касается отношения к информации, полученной из эфира (очень точное слово). Совсем другое дело реальность. Когда ты оказываешься в зоне бедствия среди «живых» людей, слышишь их плач, видишь слёзы, за которыми из их глаз кричит беда, тогда начинает говорить сердце.

Да, нас сделали бесчувственными, но сделать нас бессердечными ни под силу никому. Никому, если мы с Богом. Только тогда, когда мы с Богом, зло бессильно. И как содержание телепередач, независимо от качества этого содержания, наше сознание со временем научилось удалять из памяти, так, в противоположность этому, виденное и слышанное в реальности застревает навсегда в сердце, беспрестанно тревожа совесть, которая начинает требовательно и бескомпромиссно руководить нашими поступками. И это Милость Божия к нам, людям.

Подобными мыслями и побуждениями мы, грешники, ведомы были на этот раз. Теперь мы не просто молились об Украине, как вся наша Церковь, но о конкретных людях, которые нас ждали, на нас надеялись, ради которых мы спешили, не взирая на тревожные сводки из зоны военных действий. Все наши чаяния были там, и во всём этом не было одного — не было политики. Честно, нам было всё равно, кто из правителей насколько прав (очень возможно, что никто), да Господь с ними, нас вело сострадание (громковато сказано, но не могу

найти другого слова). Однако закончился первый день нашей поездки, мы вовремя легли спать, а всё вышесказанное проводило нас в сон и встретило по пробуждению.

Дорога. День второй

С утра не едет «Газель», – слава Богу, началось, – дорога всё же. Не то чтобы совсем не едет, а как-то коварно, со скоростью не более 10-15 км: педаль газа, стоит чуть придавить, сразу сбрасывает газ и всё. Среди нас пятеро водителей, а Игорь с Таты ещё и профессиональный механик. Возились, возились все эти водители и механики, однако не идёт «Газель» быстрее 10-15 км и всё тут. Общий совет автомобильных «старцев» после долгих дебатов вынес сакраментальное решение: машине надо прочихаться, и она «рано или поздно» поедет. Хорошая фраза – «рано или поздно», хотя «прочихаться» не лучше. Но трогаемся и часа три ползём со скоростью тяжелобольной мухи. Однако «Газелька» наша эти пару-тройку часов почихала, почихала да и действительно поехала. Был при этом и сакральный момент. Мы вычитывали дневное правило, и как только начали молиться прп. Киприану Стороженскому, ну просто в самой середине молитвы, словно что-то в машине подтянулось, и она заработала нормально, будто ни в чём ни бывало. Вот всегда откликается прп. Киприан Стороженский, нам-то, казалось бы, пора привыкнуть, но нет – всегда радостно, как в первый раз.

Дальше дорога без перебоя до вечера. Кофе, чётки, обед, чётки, заправка, кофе, чётки. Постоянно меняющаяся за окном панорама, всё более тревожные новости из телевизора на заправках. Да разговоры по телефону с близкими – о том же. Да теперь мы едем к знакомым на Донбасс, болит за них душа у каждого из нас, каждая задержка отдаётся тревогой в сердце.

Мы тянемся, как малохолдные, а там беда, и нас ждут люди. Тем не менее, к вечеру мы умудрились свернуть на Серпухов вместо Каширы, в результате двигались через Тулу и, потеряв много времени, только после 23 часов выехали на Ростовскую трассу М4 и к полуночи тормознули в первом придорожном отеле.

Одним из утешений этой дороги были ГАИшники. В прошлый раз, например, нас останавливали редко, один раз долго очень держали, придравшись к кузову, ну а в других случаях отпускали легко, но документы на груз и прочее проверяли достаточно тщательно. Теперь же все знали, что на Донбассе начались новые военные действия, и все до одного, включая гаишников, сочувствовали людям Новороссии. Было просто радостно смотреть, когда серьёзный внешне сотрудник ГАИ, с крайней строгостью и солидностью остановив нашу Тату, начинал обычное:

– Откуда, что везёте?..

А когда я подбегал со словами:

– Это гуманитарка в Новороссию, – все, как один, мгновенно отвечали:

– Проезжайте!

При этом, ни один не успевал проверить все документы, просто сразу их сворачивал и отдавал, как бы не желая задерживать нас в этом деле ни на минуту. Один случай был просто трогательный. Нас остановили, а я выскочил раньше водителя, и «Проезжайте!» прозвучало до того, когда последний успел вытащить документы и как-то просительно обратился к гаишнику:

– А документы-то посмотрите?

На что тот отвечает:

– Да не надо, просто скажи – они у тебя есть?

Водитель утвердительно мотнул головой, дескать, есть.

– Всё, давайте езжайте, – демонстративно отворачиваясь, отмахнулся от нас строгий работник службы автоинспекции.

Как-то по-другому я стал относиться к этой всеми осуждаемой службе. Показал Господь, что в беде во всех людях просыпается солидарность, как и другие хорошие качества.

День окончили обычным для такой дороги образом. Самое неприятное в этот день то, что разболелся всерьёз наш послушник Дионисий – водитель «УАЗика» и с температурой «слёг» в «Газели» (там двойное место). За руль посадили «Вара». К вечеру нашему больному, невзирая на современнейший антигриппин, хуже и хуже, двойная доза противовирусного препарата на ночь не вселяет надежды на выздоровление, не хочется оставлять его на границе, он и выехал больным, надеясь в пути выздороветь и быть полезным. Эти невесёлые мысли мешают молиться на ночь, но заснул, по-моему, раньше, чем закончил читать вечерние молитвы. Дорога – что тут поделаешь? Прости, Господи.

Дорога. День третий

Соскочили затемно, кратко прочли утренние молитвы и выехали, как всегда, после сумасшедшей дозы кофе. Больному полегчало. Однако на Тате лопнула рессора, но ничего, поехали. Перед первой же заправкой на грузовике к рессоре прибавилось пробитое колесо, запаска есть, но если поднимать домкратом – доломаем рессору, а где ближайшая шиномонтажка никто не знает. Хотя сзади двойные колёса, однако грузовик гружён до предела, опасно ехать, но делать нечего – потянулись потихоньку где-то км 40, не больше. Опять потихоньку. Да, как-то Господь нас испытывает, и слава Богу.

Звонит человек из нашего «Августа», голос «убитый»:

– Отец, у наших потерь много, есть 200-ые, много 300-х. Там НАТОвцы стоят против наших. Помнишь замполита, ну с бородой который? Им мина в машину угодила, и его осколками посеколо, в больнице лежит, чудом жив остался.

«Помнишь?». Помню замполита. Это Петрович. Он старовер, один из тех, к кому в «Августе» у меня самые братские чувства. «Чудом жив остался». Это уж точно, Петрович молится, уж это мне известно... Да «Август» – это наши, именно они нас встречали и везде сопровождали прошлый раз, и именно они должны ждать нас на границе и сопровождать по Донбассу теперь. «Август» – это прямо по нам. Что там точно, пока не узнать.

Двигаемся дальше. Наконец, находим шиномонтажку. В общей сложности стоим до двух часов дня, все «на нервах». В первый раз сообщения с боевых такие тревожные.

– Отче, давай дальше до упора – едем без обеда.

Это братия подходят, значит, сделали наконец-то Тату и едем. Вообще-то у нас и так по дорожному уставу завтрак сразу после утренних молитв, а обед – по темноте, чтобы светлое время суток было на дорогу.

– Хорошо, не останавливаемся, пока не дотянем до границы.

Ну что ж, посмотрим, как Господь благословит, до границы 700 км. Дорога, дорога, пасмурно, морозяще, туманно, руки сами тянутся к чёткам. Все молчаливы, сосредоточены, у всех одно на уме: «Как там?». Время от времени звоним, отвечают скупно – все на боевых, везде бои, везде потери, наши держатся. Помогите им, Господи. Скорей бы граница, на границе нас ждут удивительные по теплоте и искренности люди – Валерий Михайлович и его супруга Надежда. Они казаки. Это взрослые люди, и в них вполне сохранилась та чистота казачества, та честность, искренность, простота, гостеприимство и доброжелательность, какие были у моих предков – сибирских казаков, наших отцов и дедов, которых я хорошо и живо помню, бесконечно люблю, и узнаю сразу этот дух казачества и ни с чем его не перепутаю. К таким людям всегда будет тянуть.

Через пару часов звонок из Новороссии. Оказывается, прошлой ночью накрыли градами наш «Август». Господи помилуй, так вот откуда потери. Каким-то образом наш танковый корпус оказался без прикрытия и понёс большие потери. Однако общий итог всех военных действий – армия Новороссии загнала под Дебальцево, в окружении крупные военные подразделения, армии Киева, проход из котла остался один, и он с этого времени простреливается ополченцами. Информация пока сырая, выясним всё позже. Не знаешь радоваться или грустить в этой гражданской войне. Надо спешить, быстро пьём кофе, заправляемся и едем, как можем, быстро. Чем, кажется, можем мы помочь всерьёз? Однако, на уме у всех одно – там беда у наших, надо спешить, хоть что-то сделать, просто побыть рядом во время бедствия, просто хоть как-то разделить трудность этой страшной войны, хоть на короткое время.

Правительство Украины снова начало наступление. Зачем? Понадеялись на НАТОвские войска? Но никогда американцы не могли воевать, никогда у них не будет хорошей армии, для этого нужна, если хотите, древняя воинская культура, опыт отстаивать родную землю – чувство, пока неведомое американцам и живущее в нас, во всех поколениях множество веков. Мы – Русские, а не индейцы, которых вначале перессорили между собой, потом перебили и загнали в резервации. Мы Русские растеряли наивность ещё до того, когда нас называли Скифами более трёх тысяч лет назад, и уже Скифов победить не могли. И вся история наша – эта история борьбы за свою Родину. История побед в этих войнах. И ещё мы не знаем что такое «легко».

Поздно ночью добираемся до Донецка Ростовского. Там ждали до поздней ночи наши казаки – Михалыч и Надежда. Рады, встречают, обдают теплом, кормят, укладывают спать. Заставляем послушника-водителя «УАЗика» измерить температуру – 38,5. Это было заметно, выглядел он крайне

болезненно и очевидно, что сидеть за рулём в предстоящих событиях этот брат будет точно не в состоянии. Кем заменить, когда документы на машину оформлены на него? Тем не менее, в таком состоянии его придётся оставить на границе у Михалыча, который с невозмутимой готовностью встречает такую новость.

– Конечно, оставляйте, присмотрим.

Только тот, кто знает Михалыча, то, каким тоном он говорит подобное, сейчас улыбнётся, вполне оценив эти простые слова в устах казака. Все молимся, спим.

Донбасс. День первый. Таможня

С утра, помолившись, сразу выезжаем на таможню (ну естественно, что без завтрака, не отличающегося от обеда, нас из дома не выпустили). Едем тремя машинами, Тату оставляем во дворе у хозяев. На границе всё строже, чем в прошлый раз – очереди, погранцы, камуфляж, автоматы, все напряжены. Общее движение гораздо медленней – народа и машин намного больше, а погранцов и таможенников (они не отличаются по виду, все в камуфляже и вооружены) похоже меньше, чем во время перемирия.

– А чего вас так мало, при таком-то скоплении?

– Все на боевых.

Слова эти бросили коротко, не прерывая работы, прозвучало, как само собой разумеющееся для всех.

Да, отдалённую канонаду слышно даже здесь, слышатся как отдельные взрывы, такие отдалённые бухания, так и общий глухой прерывистый шум дальней бомбёжки. Никто на это не обращает внимания, это часть жизни местных людей – это война. Ждём часов до двух дня, пока пропустят встречающего нас бойца из «Августа». Наконец, его пропустили. Это

наш «старый» друг Толя. Он нас сопровождал прошлый раз и оставил в нас добрые братские чувства.

– Толян, дорогой, здорово!

Улыбка Толи:

– Здорово, отцы.

Все обнимают Толика, лица светятся. Однако выясняется, что грузовики «протащить» через границу не получится, в лучшем случае микроавтобус, а так только легковые, причём, невзирая на сопровождение, тщательный досмотр, то есть наш переезд через границу одним днём не ограничится никак.

– Наши вокруг Дебальцево загнали нациков в котёл и перекрывают выход, те пытаются прорваться, где возможно, кроме этого уже вылавливали диверсионные укроповские группы, поэтому проверки везде по границе, как людей, так и грузов.

Кроме всего, для грузовиков нужны специальные документы, которых у нас, естественно, нет. Делать нечего, мы выгрузили из «Газели» всё, что вошло в микроавтобус Анатолия и тронулись к таможне на трёх машинах: кроме машины из «Августа» ещё наш «УАЗик» и микроавтобус из Вырицы. Перед таможней тоже нужно ждать, не в общей, конечно, очереди, мимо неё нас Толик провёл со своими документами, однако на таможне стоим, проверяют всех, и мы не одни. Тут же выясняется, что «УАЗ» пройти не сможет, так как через границу за рулём может проехать только тот человек, на которого конкретно выписана доверенность. Доверенность выписана на болящего брата, а тот в «лёжке». Хорошенькое дело. Как быть? Вызываем больного. Его с температурой Михалыч везёт на границу, чтобы перевезти «УАЗик» и вернуться пешком через пост, а на стороне Новороссии за руль сядет наш трудник с «Газели», которая осталась на российской стороне.

Толя, тем временем, рассказывает, что произошло с «Августом».

– Расстреляли, как в тире, просто ПТУРСами из окопов, больше половины танков и бэтээров несколько, семь танковых экипажей сгорело заживо с машинами, молодые мальчишки... Должна была пехота поддержать и не вышла во время на позиции, даже говорить не хочется.

Господи, помилуй, как же так? А вот так. Танки без поддержки пехоты в наше время очень уязвимы, ну просто мишени, при том, что сами по себе очень хорошие машины для войны. Наши танкисты из батальона «Август» вышли на позиции, рассчитывая взаимодействовать со штурмовыми силами пехоты, а последние на позиции не вывел очень известный в интернете командир. В результате трагедия.

Не будем касаться тех наверняка очень уважительных причин, по которым пехота не вышла на позиции (она не выходила трое суток), не обеспечив прикрытие танкового корпуса, и того, почему комбат (его сняли) не отвёл танки (уж, наверное, было поздно), важно другое. Среди того кошмара, который происходил на поле боя, молодой парень направил свой горящий танк в окопы противника, из которых расстреливали его батальон, ворвался в эти окопы, под огнём передал там всех, в это время его машину добились из птурса, он раненный выбрался из танка, собрал планшеты с укроповских офицеров в окопах и три дня еле живой полз до своих. И дополз и всё передал. Его имя, по-моему, Алексей. Тут, что называется, комментарии излишни.

А вообще бои по всем фронтам, особенно жарко вокруг Дебальцево, где укропы попали в котёл, лютуют, но вырваться не могут, наши воюют лучше, и котёл скоро захлопнется. Примерно так заканчивает свой рассказ наш сопровождающий.

К этому времени подоспел наш больной брат. Выглядел он, как раненый: бледный, с температурой, чуть покачивается и при этом улыбается. Он спокойно и с готовностью принимает наш план. Конечно, он понимает, что на обратном пути к нему пограничники будут иметь ряд вопросов, так что обрат-

ный переход лёгким не будет точно, однако он доволен своим участием в этом деле. Этим пограничников ожидает удивление, наш брат врать не умеет и скажет им всё как есть, и, как потом выяснится, продержат его порядочно, до Михалыча он доберётся уже потемну, а ночью его на «скорой» увезут в больницу, где он и будет до самого отъезда.

Но это будет после и будет по другую сторону границы, а пока нас начинают досматривать таможенники, не особо, надо сказать, придираются: вид людей в монашеской одежде делает многих добрее. Потом снова ждём, затем досматривают погранцы, – и мы на стороне Луганской области. Дальше мы со своим сопровождающим без задержки проезжаем таможенно и погранцов Новороссии, ну а там уже Анатолий забрал своё оружие, разгрузку, вооружился и стал таким же, как все окружающие нас люди. Большой послушник (его имя Дионисий) меняется местами с водителем «Газели» и возвращается пешком обратно на границу. Уже темнеет, минуем длинную очередь машин со стороны Новороссии (люди стоят по 12 часов) и едем по Изварино. Наконец-то мы здесь.

Вначале в «Август». Там неожиданно пусто, начкар и ещё несколько человек на карауле.

– Слушай, а где все?

Удивление на лице начальника караула:

– Как где? Все на боевых.

На лицах ребят не то что бы тревога, но как бы огорчение, смешанное с неопределённостью. Комбата сняли, замещает его один из замов, который тоже где-то на боевых. Обращаюсь к начкару:

– Добрый вечер. Ну как вы здесь? Держитесь? Трудно?

Тот узнаёт:

– Здрассте, батюшка. Да держимся, трудно, вы же слышали, как наших накрыли, ребят жалко. А теперь выбить оттуда нациков целая проблема, они ж настроили укреплений за время этого перемирия, вот и колотимся.

Толя в это время собрал бойцов, и те быстро стали разгружать гуманитарку прямо в кабинет комбата. Поздно, и нам ещё ехать больше часа до отца Алексея. Опять мы приезжаем ночью, неудобно: там ребяташки, матушку опять беспокоить. Но с этим священником бесполезно спорить, он ничего не хочет слышать, ждут. Едем. В отдалении, но везде вокруг непрерывно слышатся взрывы, бомбёжка, причём время-то позднее. Да, в военное время здесь всё по-другому. Блокпосты все как бы ошетинились, строгие настороженные глаза за резким лучом фонарика и дулом автомата, но с нами вооружённое сопровождение, проверяют документы, пропускают. Подъезжаем к дому священника часа в два ночи, батюшка ждёт на улице. Ну, слава Богу, добрались.

Хозяева рады, стол накрыт, нам постелили, как и в прошлый раз, в большой общей комнате – «заледетскойспальне». Матушка с малым в ванной. Господи, помилуй, опять двадцать пять: нет возможности уговорить отпустить нас куда-нибудь переночевать, мы на самом деле прекрасно высыпаемся в машинах. Спорить бесполезно, матушка с самым честным видом доказывает, что вообще любит спать с маленьким в ванной, там, дескать, тепло, хорошо, спокойно, вроде отдельной комнаты. Они искренни, это решает вопрос, а потом мы были на правах друзей, которых ждали и готовились к встрече, наш более усердный отказ мог обидеть этих добрых людей. Ко всему этому с нами из «солидарности» оставался ночевать наш друг «Вар», они с отцом Алексеем дружат с раннего детства. И ещё мы очень устали за этот день, шёл третий час ночи, и хотя была очень вкусная трапеза («Ешьте, ешьте, ничего не знаю – матушка старалась»), была беседа, в голове же однородно стучало: «Спать, спать, спать».

Донбасс. День второй

С утра, сразу после утренних молитв и скорого чая, вступаем в длительные телефонные разговоры, переговоры, договоры о возможности переправить пятитонник. Наконец, нам пообещали его переправить одновременно из двух источников, но оба обещали «коридор» после 20 часов. Едем в середине дня на двух машинах, с нами Анатолий и машина отцов из Вырицы. Стороженский «УАЗик» оставили за ненадобностью, так как оставшееся в «Газельке» со вчерашнего дня входило к Анатолию на «Август». «Ной» же взяли на подстраховку, и тот оставляем на стороне Новороссии с оружием Толи и нашим трудником. А Тату же – пятитонничек Игорька – должны перевезти «точно».

Конечно, по дороге пробили на ухабах колесо на машине «Августа» так, что корд вылез, благо запаска нашлась, шиномонтажек-то поблизости не наблюдалось. Пока переправились через границу, потом перегрузили всё из «Газели», время подошло к 20-ти часам. Спокойно едем к таможне, вопрос о переезде через границу решён, Тата там стоит с утра. Первое, что выясняем, – это то, что все договорённости по поводу переезда границы «не стопроцентны». Снова звоним всем, кто гарантировал точный переезд, однако все как один гарантировать перестали. За секунду до того, как «справедливая» волна возмущения подкатила к горлу, тихо и спокойно заговорила совесть: «Это зона военных действий, территория людского бедствия, и мы не имеем даже морального права претендовать на какие бы то ни было гарантии, на войне нет гарантий, ни для кого».

Мгновенно этим успокоившись, не пытаюсь больше перетаскать Тату целиком, ищем легковые машины для перегрузки и находим. Это друг отца Алексея, тоже Алексей (мне как-то по жизни везёт с Алексеями), у него «Газель», только микро-

автобус, которую он по-военному усилил и укрепил так, что без проблем берет три тонны. Соответственно, если брать машину Толика и наши, то хватало вполне. Успокоившись на этом, впихиваем в «Августовскую» машину, что возможно было впихнуть из Таты, машина проседает почти до асфальта, и мы ползком трогаемся к таможене.

Там нас ожидало новое известие. Оказалось, что гуманитарный конвой, о котором говорили по телеку на всех заправках все эти дни, только что подошёл и заходит сегодня же через Изварино в 24:00. Слава Богу за всё, однако, вокруг уже перекрывают подходы к таможене, с правой стороны палатки пограничников украинской армии, с левой – машины ОБСЕ, по центру – погранцы Новороссии. Мы чудом успеваем проскочить перед самым конвоем где-то минут за 40.

Проскочить – это все проверки, досмотры и прочее уже привычное при переезде границы.

– Вы же вчера переходили туда, а сегодня утром переходили оттуда, в чём дело?

– Да, и завтра будем переходить и туда, и обратно. Не пускают же грузовики наши с гуманитаркой, вот на фургончики перегружаем и перевозим. А что делать? Проверяйте.

– Понято. Ничем, отцы, помочь не можем, поймите и нас. Из котла прорываются дивгруппы нациков, помощь им могут провезти только отсюда, поэтому проверяем всех. Здесь что – продукты? А это что за книги? Ага, видим, проходите. Ну вы и нагрузили. Она же не пройдёт по кочкам!

– Да нам только через границу, там перегрузим.

Таможня, пограничники, паспортный контроль – это их работа, и слава Богу, что они её ответственно выполняют. Военная обстановка в самом деле очень сложная. Все, кто только возможно на передовых и эти люди на границе, не спят ночами. Мы могли поехать в Ростов и там документально оформить гуманитарную помощь, но это долгий процесс, поэтому

мы рискнули поехать напрямую, очень хорошо понимая, что, невзирая ни на какие обещания, всё может оказаться так, как оказалось. И всё равно это было быстрее. Ничего, монахам всегда полезно потрудиться, а в таких случаях ещё и радостно.

За границей Толян забирает своё вооружение, часть груза перекладываем в «Ной» и по ночи возвращаемся. Еду в машине с Анатолием.

– А что, Толя, в первом бою трудно было?

– Да ты знаешь, отец, я шахтёр, мы и так никогда не знаем, поднимемся наверх после смены или нет.

– Ну, работа, Толян, – это одно, а здесь как?

– Не знаю, как сказать, но я даже не испугался в первый раз. Мы шли под прикрытием дорожной насыпи к террикону, там вверху наши пулемётчики. Вдруг заходит укроповский вертолёт. Мы попадали, а тот завис прямо над нами и начинает разворачиваться, чтобы ударить по нашей пулемётной точке, и низко так завис. Мы лежим, вжавшись в землю, а тот, словно издеваясь, не спешит, обстоятельно так приноравливается по нашим ударить, будто нас нет. И как-то само собой мы, несколько человек, не выдержали, резко перевернулись на спину и открыли по нему огонь, остальные сразу поддержали: ну обнаглел укроп! У нас были АК-7, -62, и мы все 40 человек били по нему без передышки, пока вертолёт не вошёл в крен и не стал податься. Командира нашего потом прозвали «Вертолёт», из-за этого.

Это было в бою под Бирюково, реальный и всем известный случай. Я знал, что Толя был участником этого боя, просто стеснялся спросить раньше. А вообще, надо сказать, что на войне «сплошь и рядом» происходят далеко не менее удивительные события. Но едем дальше.

– А ранило тебя когда?

– То в другом бою, в Красном Партизане. Как там всех не перебили, до сих пор удивляюсь. Короче, идём колонной:

танк, бэтээр, миномёты, на машинах пара «СУшек» (это зенитные установки, такие сдвоенные скорострельные пушки, очень «хорошая» штука), да машина с бэка (боекомплект). Идём спокойно к блокпосту, не переживаем ни о чём. Разведка доложила, что блокпост пустой, всё чисто. То есть разведчики посмотрели – никого нет поблизости от поста, доложили, что видели, и ушли, а укропы сразу после них этот блок пост занимают. У них два бэтэра, танк, пушки, миномёты, несколько пулемётчиков, и они удобно расположились, там готовые прикрытия, как на всех блокпостах, сам же видел. Ну и всё: мы выходим, как ни в чем ни бывало, а те по нам прямой наводкой. Танк наш и бэтээр сожгли сразу, две машины разбили и перевернули, все наши рассыпались по сторонам, кто из чего может начали отстреливаться. Мы с ребятами каким-то чудом две своих «СУшки» стащили с машин к «зелёнке» (лесополосе), и с двух сторон открыли огонь по укропам. В это время остальные наши в себя пришли, у кого ручные миномёты, у кого гранаты, у кого что. Да... Вот «жара» была, отбили этот блокпост, там же меня ранило в руку и ногу.

Так не поверишь, отец, я даже не понял, что ранен, пока всё не закончилось. Как-то в горячке не почувствовал, а потом смотрю – рукав полный крови и штанина такая же. Что делать? Садимся в машину, и ребята везут меня в госпиталь, здесь же в Красном Партизане. Бомбят, хирург нервничает, из ноги пулю вытащил, а из руки осколок никак не может вытащить, разрезал чуть не до самой кости плечо, пальцем тамковыряет, а вытащить никак не может, анестезии нет. Ну что ты будешь делать? Хоть кричи. Начинают бомбить сам госпиталь, все уходят, и я там один остаюсь. Прибегают ребята, говорят, что укропы окружают, надо срочно уходить. Говорю хирургу: «Зашивай быстро». Ну тот уже толком не соображает, вот-вот саму операционную раздолбят, вокруг всё рушится. Короче, берёт и быстро, прямо без всякого дренажа, как есть, зашива-

ет руку. Ребята меня подхватывают, и мы выбегаем на улицу. Укропы в это время занимают окружающие улицы, мы еле-еле добегаем до машины, благо она рядышком, автоматы дулами на боковые зеркала положили, открываем огонь с двух сторон и по газам. Прорвались. Дак ещё воевали пять дней под Луганском, потом я уже стал сознание терять. Ну и всё. Всех нас трехсотых (300 – раненный, 200 – убитый) собрали и отвезли в Перевальский госпиталь, там осколок-то из руки и вытащили.

– А Перевальск что – не бомбили?

– Да почему не бомбили? Бомбили и артиллерией, и авиацией. Сколько там наши «СУшек» укроповских сбили?! Бомбили... Сейчас-то вон – бомбят каждый день под Перевальском, да и по всему фронту...

Едем молча. Город, откуда Толик, сейчас тоже бомбят, там его дом, его родные. 30 тысяч долларов дают укропы за голову этого шахтёра. При этом все родовые корни Анатолия из Западной Украины. Вот так – 21 век, люди платят деньги за голову человека, и не какие-то бандиты киллерам, нет, – правительство Украины любому желающему за голову русского человека.

Наконец, доезжаем часам к двум ночи к отцу Алексею, что-то скидываем с машины Толи, тот сразу прощается, человеку ехать ещё больше часа, а утром опять на «О» (граница). Ну а нас усаживают «ужинать», одновременно созваниваемся с Алексеем, тем, у которого «Газель»-фургончик, договариваемся о встрече утром на границе и, уже по привычному кратко помолвившись, падаем, как убитые. Исходя из того, что я не помню момента соприкосновения тела с матрацем, упали, возможно, с грохотом – бедные хозяева. Старший мальчик приболел и в общей комнате спит с отцом и храпящими незнакомцами, а малой спит с матушкой в ванной. Вот такие вот военные будни в семье священника.

Донбасс. День третий

С утра еле-еле продираем глаза. Как-то помолившись, начинаем собираться. Вообще-то, надо сказать, что фразы вроде этой – «как-то помолившись» – отражают внешнее положение дела, но не соответствуют внутренней духовной сути происходящего. Во-первых, там даже краткая молитва – это искренняя и глубокая молитва, я как-то уже говорил, что в Новороссии очень легко молиться, с подобным мне приходилось сталкиваться лишь на Афоне. Так что в течение всего, казалось бы, крайне суетного дня молитва никогда не угасает вполне, здесь всё окружающее принуждает к молитве, внутри твёрдая убежденность, что без Бога здесь не может быть благополучного исхода, и ты, раз уж оказался здесь, самое малое, что обязан делать, – это молиться за всех живущих здесь людей. Знаете, как будто Ангел говорит всё время на ухо: «Молись! Молись!», иначе выразить невозможно. Я, во всяком случае, не могу.

Однако вернёмся в дом отца Алексея. Матушка нас кормит, мы одновременно созваниваемся со всеми участниками нашего предприятия. Вроде бы на этот раз возможно всё остальное перевезти одной поездкой. Выезжаем пораньше и все встречаемся на границе. Мы на «Ное» и «УАЗике», Толя на своём микроавтобусе и наш новый друг Алексей на своей усиленной «Газели». Алексей казак (нагайка на торпедке, автомат у колена), он тоже местный и повоевал, как следует, а ещё он паропланерист, чем завоевал наше особенное расположение – ну какой монах не мечтает полетать?

Все встречаемся на границе. Как всегда, оставляем оружие и «разгрузки» («разгрузка» – это такая жилетка с карманами для автоматных рожков, гранат и прочего) казаков на Луганской границе и проходим нашу таможенную.

– Да, это опять мы. Да, будем вечером проходить снова с грузом. Да, это будут продукты и тёплые вещи, всё увидите и

проверите. А, кстати, раз уж мы так сдружились с вами за эти дни, то позвольте нам провезти на обратном пути хоть гильзы какие-нибудь на память? Нельзя? Ну ладно, не очень-то и хотелось таскаться с этим ржавым железом.

Не нужно нам было этого говорить, и вполне мы оценим последствия такой неосторожной полушутки на обратном пути из Новороссии. Кстати, очень интересные диалоги приходится слышать на границе. Вот, например, пограничники уговаривают земляков не уезжать (очереди огромные, везде бомбят, люди очень устали):

– Ну вот куда вы едете, зачем? Там (показывает на российскую сторону) всё то же самое, ну единственное только, что там не бомбят.

Представляете? Ничего себе – «единственное»? Да из-за чего же ещё они уезжают? И никто ничего необычного не замечает: одни не понимают причины отъезда, другие вяло оправдываются, чувствуя себя виноватыми. Они все уже не считают постоянно слышимую бомбёжку чем-то сверхъестественным, просто они устали от постоянной нужды, от неизвестности, в том числе устали бояться.

Наконец-то мы на российской стороне, перегружать надо тонн пять, а нас не рота и время уже середина дня. Кроме всего, как обычно, пробили колесо на Толиной машине и окончательно угробили диск на другом колесе – дороги войны. Рутинная бегодня. Слава Богу, мы умудрились втащить машину на нашу сторону, здесь шиномонтажки работают, здесь есть наш Михалыч, который всё это время был в самой гуще всех событий, да кроме этого ещё возится с нашим болящим братом в больнице. Мы позвонили ему заранее:

– Михалыч, дорогой, машина без колёс. Сможем что-нибудь придумать?

– Конечно. Приезжайте.

Нет, невозможно передать интонацию в тексте. А без этого ответ Михалыча непонятен. Только тот, кто с ним знаком, меня поймёт и, прочитав это, радостно улыбнётся. Конечно, всё было готово, даже колёса для Толиной иномарки приготовил наш казак, а его добродетельная супруга Надежда приготовила на всех обед. Пока переставили колёса, пообедали, незаметно стало темнеть. Неохота уезжать от Михалыча, а надо. Что ж, пора было заняться своим прямым делом – физическим трудом, уже привычным для нас. Ведь за фразами «загрузили», «перегрузили» всегда стояла конкретная прямая физическая работа, а грузчиков здесь не существует, поэтому всё не так быстро, как хотелось бы. Любому монаху знаком физический труд, в том числе и труд простых грузчиков, а это за последние дни – одна из основных причин нашей усталости. Наконец, закончилась перегрузка, всё вошло, всё распределили, разложили по адресатам, но на границу в итоге подъезжаем после 22-х.

Там опять движение. Оказывается, сегодня возвращается с разгрузки гуманитарный конвой, они проходят границу в 24 часа. У нас пока досмотры, проверки – дотягиваем до полуночи. Ну что ж, в этот раз не успели проскочить, придётся ждать, пока пройдут машины конвоя, это не быстро. Ждём. В это время узнаём из телефонного звонка, что из Дебальцево прорвалась какая-то группа «нациков», они обстреляли два наших блокпоста, причём один – из миномётов, и движутся в сторону Луганска и границы. Не понятно, кто это – диверсанты или просто прорвалась какая-то группа военных из котла. Ну что ж, тут, судя по всему, это ожидают.

Всё нормально. Белые «КамАЗы» прошли быстро, и мы где-то около часа ночи переехали границу. Уф, всё. Это последний наш переход за эту поездку, переправлено всё, осталось развезти. На самом деле, помощь, особенно нашей МЧС, – большое дело. Но одно дело привезти и разгрузить по шта-

бам и на складах, а другое – дать людям поесть, одеть тёплую одежду, вложить в руки хоть какие-то копейки. Нет, никто ничего из начальства, хоть военного, хоть гражданского (есть ли такое в Новороссии?), не будет задерживать, либо как-то медлить с помощью. Однако надо исходить из существующих реалий. А реалии эти таковы: военные действия по всей границе Украины и Новороссии, и все на боевых, все – это значит некому развозить эти продукты, вещи и медикаменты. На передовую, конечно, везут из штабов самое необходимое, на остальное – ну просто нет реальной возможности, нет и негде взять.

Это же война. И вы знаете, забегая вперёд, скажу, что мы второй раз в Донбассе, но прошлый раз это было затишье, люди приходили в себя после бомбёжек, как-то восстанавливались и, по нашему мнению, именно поэтому мы видели только местных людей. Теперь же военные действия в разгаре, значит – совсем другое дело. И, естественно, мы предполагали увидеть огромные скопления российской техники, вообще русские войска, «тайком» одерживающие все победы, какие-нибудь полки немыслимых, с кинжалами в зубах, суперчеченцев, ну а уж нашего-то спецназа, само собой, – повсеместно и в достатке полно. Однако, как говорят в Одессе, «таки нет». Нет. Это неправдоподобно, но факт.

подавляющее большинство солдат, с которыми мы встречались, – это местные жители. Совершенно однородные диалоги:

– Ты откуда?

– Из Луганска (Антрацита, Перевальска, Алчевска, Стаханова, Дебальцева и так повсеместно – станица такая-то, с шахты такой-то и прочее).

Такое же положение и в Донецкой стороне. Есть наша техника, но – там пара танков, там три-четыре, там – пара бэтэров, там – три-четыре гаубицы. Притом, что мы подружились

как раз с солдатами из танкового корпуса, выше мы рассказывали, как был разбит этот корпус. Разбит, но не исчез, и героически воюет. Помните мальчишку, который в горящем танке переломил весь ход событий? Это местный парень, и это они побеждают. Конечно, с нашей помощью. Однако, мы свидетельствуем, что личный героизм местных людей намного выше, чем нам здесь представляется, и очевидно, что именно это является основным стимулом для оказания Донбассу Россией военной поддержки. Вот последняя как раз меньше, чем мы себе воображаем.

Есть наши спецы, но единицы. Казаков да – тех много. Но все они также либо донцы, либо кубанцы, то есть, строго говоря, тоже местные. Ну где-то там немного «афганцев», там немного десантуры, добровольцев, ветеранов. Но количественное соотношение вообще укропов и ополченцев не сопоставимо, тех в разы больше. Встретил одного мальчишку лет 16-ти из Питера – в «горке» (военная униформа), «разгрузка», гранаты, автомат, на одной руке – георгиевская ленточка, на другой – церковная лента с молитвой, видны первые слова 90-го псалма: «Живый в помощи Вышняго...». В общем, вид самый задорный. Отвечает как-то радостно:

– Я?! Конечно, верующий! Конечно, православный! В одиннадцатом классе учусь. Ну да, типа прогуливаю. Как что сказали? Я же убежал, они так в журнале и записали: «Убежал воевать на Донбасс»...

Может кто-нибудь это прокомментировать? Помогите ему, Господи!

Ну ладно, как-то я далеко вперед забежал. Это всё же «путевые заметки», надо, чтоб они такими и остались. Возвращаемся в ночь третьего дня на Донбассе. Едем по ночным дорогам войны, никогда не думал, что буду по ним скучать. Темнота, в отдалении постоянно грохочет, уже различаем – вот миномёты отработали, а это гаубицы, ну «Грады» ни с чем

не спутаешь. Где-то на окраине мыслительного пространства крадущиеся по дорогам диверсанты, по сторонам выплывают строения, есть разрушенные, но много и целых, света в домах нет почти нигде. Едем колонной. Я с Толиком.

– А что, Толь, – приходилось убивать человека вблизи?

– Близко нет, а вдалеке в боях убивал.

– Ну вдалеке это, наверное, ещё и чего?

– Да нет, отец, душа потом болит...

Да, разговоры на войне дело деликатное. Там если возникает доверие, то быстро, и люди часто открывают сокровенное, огласке как бы не подлежащее, просто может быть озвучивают душевный порыв, такое, о чём и хотелось бы написать, но рука не поднимается. Есть у каждого сокровенный внутренний мир, пусть он сокровенным и останется. Говорим с Анатолием о военном быте, о «жизнейском» на войне. Война – это не только бои и стрельба. С ним, например, в «общаге» живёт сынишка 12 лет, мать далеко, так получилось, и мальчик с ним. И таких родителей – не один, не два, а матери вообще почти все с детьми в одиночку: у кого-то погибли отцы, у кого-то они всё время на войне, часто одна присматривает за несколькими детьми, как, например, в эти дни у нашего друга.

Решили расстаться на перекрёстке. Нам в сторону Антрацита, а Анатолию – в другую. Сопроводит нас Алексей-казак, иначе Толик до утра не доберётся до дома. Утром нам в Перевальск и в Стаханов. Там очень напряжённо, и хочется скорее дотянуться до некоторых людей. Есть туда кое-какие личные послания, да и общая помощь, поедем с ним вдвоём, братья пока помогут отцу Алексею разобраться с грузом на приходах.

Доезжаем до перекрёстка, я пересаживаюсь к Алексею-казaku и двигаемся в сторону дома отца Алексея. (Одни Алексеи, надо как-то не запутаться. Мы с ним сразу договорились – на «ты», так что вполне допустимо называть его, скажем, просто Лёша.)

Мчимся в темноте по страшным ухабам в загруженной доверху «Газели» Лёши. Он, как мы говорили, парапланерист, то есть человек берёт монокрыло (ну все знают в наше время, что это такое – подобие парашюта, только узкого и растянутого в стороны), разбегается, прыгает с обрыва и парит в воздухе на этом крыле. Может долго парить, передвигаясь на воздушных потоках, то есть практически летает – давняя моя мечта. Естественно, оказавшись вдвоём в кабине, он был обречён оказаться моим учителем полётов, к тому же у него, как у профессионала, был и двойной параплан.

– Не передать, отец, как я люблю летать. Лучший отдых на свете. Приедешь, полетаем – сам поймёшь.

– Слушай, Лёш, давай попробуем, как только погода будет подходящая?

– Ну нет, отец, до конца войны никак невозможно. Да ты что – пристрелят сразу, если не укропы, так наши.

Конечно, он прав. Документы в воздухе проверять никто не будет. За всё время этой поездки он единственный человек, с которым основные разговоры были не о войне, хотя он, как и «Вар», воевал с самого начала войны. И хотя бомбёжки в грохочущей по ухабам «Газели» почти не слышно, вынырывающие из темноты блокпосты быстро возвращали в реальность. За эти дни нас все на блокпостах этих дорог знали в лицо, однако знали в лицо уже и мы их. Говорят, что блокпост – вроде не очень опасное место, но, во-первых, нападают на них достаточно часто, пост у них очень в нынешней ситуации ответственный и, как оказалось, трудный. Стоят люди разных возрастов, чаще молодые, всегда на чеку, обязательно с оружием, все шутки здесь в сторону. Ну, едем один день – стоят ребята, утром – снова они же, они же и вечером, они же ночью и на другой день и на третий – они же. Причём мы же ездили утром и днём, а возвращались всегда ночью. Господи, помилуй, да когда же эти ребята спят?

– Да почему их не меняет никто?

– Все на боевых, людей мало, стоят неделями, потом их на боевые, а оттуда – сюда...

Добираемся наконец-то до наших хозяев. Матушка наготовила всего (когда человек успевает – непонятно: двое ребятишек, муж, ночи не спят). Лёша тоже остаётся ночевать, ну куда ехать – скоро утро. За ночной трапезой обсуждаем с отцом Алексеем возможность проехать по передовым послушить молебны. У нас с собой частички мощей ап. Андрея Первозванного, вмч. Георгия Победоносца, свтт. Николая и малюсенькая, чудом доставшаяся мне, частичка св. благ. вел. кн. Александра Невского. Хочется провезти эти святыни по тяжёлым местам. Решили, что каждый попробует договориться, с кем сможет. Строго говоря, на разговоры не было сил, а завершение дня было привычное, то есть ничем, кроме более позднего времени, не отличающееся от предыдущего.

Донбасс. День четвертый

С утра Толик занят в батальоне, а мы часам к десяти утра разгрузили «Газель», позавтракали и поехали к «Августу». Там тоже полный микроавтобус как адресной помощи, так и собранных нами комплектов для удобной раздачи любому нуждающемуся. Брат на «Ное» довозит меня до «Августа» и возвращается к отцу Алексею, а мы с Толей едем в Перевальск и другие районы вокруг Дебальцевского котла. Едем, по пути, проезжая через деревни, останавливаем местных жителей.

– Помощь нужна?

– Нет, спасибо, мы справимся. Кто нуждается? Вот в том доме детишки больные, там трудно, давайте поможем отнести. Ещё кому? Вон там, через два дома, тоже бедствуют. Да нет, нам точно не надо, спасибо.

Показывают, у кого большая, чем у них, нужда, помогают донести, себе не берут, хотя тоже явно нуждаются. И так повсеместно.

Оказалось, что сзади едет Олег, тот самый, который сопровождал нас вместе с Толиком в прошлой поездке, про него упоминалось в тех заметках. Он теперь командир танковой бригады в «Августе», этот на убой ребят не пошлёт, скорее с погонами распростится. Уже, говорят, был инцидент, когда хотели с полупустыми баками его машины на боевые отправить, да не дал Олежка и всё тут. И никуда не делись, пока не заправили все баки до полного, он своих ребят на передок не пустил. Вот догоняет нас машина Олега, обнимаемся. Очень радостно хоть коротко увидеться. Обычные: «Как ты?» – «Да нормально, а как ты?» – «Да хорошо. Вы где стоите?» – «Там-то».

– Слушай, как там наш старовер, ваш замполит? Его же ранило, мне сказали, в госпитале лежит, надо бы навестить.

– Да где там – выписался уже, на передовую собирается, его не остановишь.

– Ну как держитесь? Нацики прорываются?

– Да бывает. Недавно колонну свою сопровождаю, моя машина последняя идёт, вдруг смотрю – трассеры впереди, и пули свистят. Водиле кричу: «По газам, обстрел!». Прямо перед капотом пулемётная очередь, еле проскочили, а кто стрелял – непонятно.

Однако, какая бы ни была приятная встреча, нужно было спешить Олегу, да и у нас времени в обрез. Прощаемся, договариваемся ещё увидеться, но в этой поездке не получится. Разъезжаемся.

Наконец, мы у Перевальска. Здесь бомбёжка слышна гораздо сильнее – аж земля дрожит. Близко передовая. Народа тоже немного, уже знакомое – «все на боевых», караул у штаба, зенитки на крышах соседних пятиэтажек, люди сосредоточены, всё на фоне грохота артиллерии. Мы заранее созвонились

с «самым главным человеком в Перевальске» – это работник штаба казачка Лена. Подъезжаем к штабу, и она вышла навстречу. Приятная девушка – «отец, как увидишь, сразу поймёшь, что это она». В штаб не заходим, война – зачем людям мешать? Лена зовёт пить чай, но, конечно, некогда. Общаемся на улице, в это время бойцы переносят наши небольшие пожертвования в штаб, кое-что из вещей удаётся раздать тут же, хотя это нелегко. «Куда берёте? Люди везут на передовую, вы здесь обойдётесь», – это Лена, ей не жалко, но она очень хорошо знает, что такое передовая.

Однако, безусловно, помогать мы должны всем, кому эта помощь понадобится, здесь везде зона бедствия. А Ленка, по-моему, даже канонаду перестала замечать, тоже на войне с первых дней и всё время в Перевальске в штабе. Сам Перевальск бомбили часто, передовая здесь близко. Она доверенное лицо атамана Козицына, тот пока в отъезде, все ждут, когда вернётся, казаки любят атамана. Ну ладно, как бы ни хотелось остаться, но прощаемся с Леной. Вот ещё одна Елена в нашем помяннике. Помогите ей, Господи. Будем молиться за неё и за тех, о ком она попросила.

Едем «на штаб к Узбеку». Это боевой командир, «Узбек» – его позывной. Мы с ним никогда не виделись (и так за эту поездку и не увидимся), но много слышали и знаем, что у него на позициях сейчас «жара», то есть непрерывные и ожесточённые бои. По пути видим, как работает наша артиллерия, те огрызаются, мимо идут военные грузовики, с боков проезжаем пару установок «Град», те расчехляются и готовятся к «работе», канонада по мере нашего продвижения всё сильнее, уже позади периодически «отрабатывающие» пушки, позади «Грады», мимо проносятся легковые машины с вооружёнными солдатами. И вот с высоты видно место, куда бьёт артиллерия и откуда «отвечают» укропы. Сбоку встречаем поломанную иномарку, колесо вдребезги, пара легковушек стоит рядом –

помогают. Останавливаемся и мы. Со стороны передовой несётся запылённая, «видавшая виды» Нива, тоже тормозит.

– О! Отец, ты откуда здесь? – это тот самый мальчишка из 11-го класса, о котором мы говорили выше.

Тут же девушка какая-то, тоже с передовой едет: «Вот красавцы!» – это она о «Градах», которые начали «работать». Звук, похожий на сплошные порывы дождя с ветром, будто пропущен через мощный усилитель. Впереди внизу взрывы видно визуально. Вот пошёл вверх столб чёрного дыма. «Эту технику какую-то сбили, танк или бэтээр», – тут же поясняет Анатолий. Одновременно обрабатывают и гаубицы, как с нашей стороны, так и оттуда, очень упорно отбиваются укропы. «Понагнали техники и боеприпасов за это перемирие», – поясняет мне школьник, поправляя автомат. Мимо несутся легковые, из окон торчат стволы, на секунду притормаживают: «Помощь нужна?» – и несутся дальше. Увидев бородатое лицо в монашеской одежде – улыбнутся.

– Вот наши 120-е миномёты заработали, а это свистят укроповские мины, – поясняет школьник. – Отец, можно с тобой сфотографироваться?

– Если в Интернет выставлять не будешь, то можно.

– Почему?

– Да не люблю я этот Интернет и всё. Мы приехали с вами побыть рядышком, а не с Интернетом.

Толик вступает в разговор:

– Я не пойму: по Узбеку что ли работают? Где Узбек?

Девчонка машет рукой:

– Узбек дальше, ещё километра полтора и поворот налево. Вы туда вряд ли проедете, там только что миномёты укроповские обрабатывали, вот машина проскочила узбековских ребят.

В какой-то неуловимый момент исчезли прохожие, проезжие, знакомые, незнакомые, но все стали единокорными

участниками одного растянувшегося на много километров боя. Наконец, иномарку поставили на колёса и все разъезжаются по своим делам. Война идёт полным ходом, всё грохочет, мы проезжаем нужное расстояние и сворачиваем. По бокам из каких-то ям, не поймёшь, – то ли дым, то ли пар.

– Что это, Толян?

– От мин воронки. Недавно «отработали» укропы, ещё дымятся. Ну, вроде подъезжаем.

Не думал, что из воронок такой дым. Въезжаем в расположение наших на передовой. Впереди – остатки какой-то деревенской улицы, сбоку – микроавтобус вдребезги и пробойна огромная от снаряда, но это не сегодняшнее попадание, а вот ворота сбоку похоже только-только разлетелись: половина одной воротины висит на петле, на дороге гора в щепки разбитых ящиков от снарядов – хорошо пустые. Вдоль дороги несколько танков и два бэтэра, вокруг движение танкистов, что-то оттаскивают, освобождают проход для машин.

– Куда, куда? Проезжайте, мы здесь перестраиваться будем, – это нам кричат, Толик хотел прижаться к обочине.

– Узбек где?

– Впереди на зачистке.

– А туда подойти можно? – это говорю я, как самый умный. Хотя видно, что впереди и дороги-то нет, там уже близко «работает» стрелковое оружие, звонко с оттяжкой бьют автоматы, слева заработал пулемёт.

– Да ты с ума сошёл, отец! Ну как ты подойдёшь? Пристрелят сразу же, либо свои, либо укропы, там разбираться некогда. Нет, даже речи не может быть.

Это была минутная слабость, я хорошо понимал, что здесь мешать нельзя, просто грех. Да война захватывающее действо. Разгружаем, что привезли, несколько бойцов помогают перенести продукты и вещи в дом – молодые ребята, все местные. Один постарше, лет 45. Они только что были под обстрелом

миномётов. Пока собираешь помощь, пока везёшь, кажется – вроде бы приличное количество, но когда привез и раздаёшь, то мысль в голове одна, – Господи, как же мало мы привезли, а людям здесь трудно. Артиллерия работает с двух сторон, трясётся земля одновременно с визжащим грохотом и разрывами. Впереди непрерывная автоматная стрельба, время от времени вступает пулемёт. Да, там «жара». Бойцы ропщут:

– Попробуй теперь выбей их оттуда, после этого перемирия. Укрепились, навезли оружия, нагнали техники, причём новейшей. Сегодня наши сбили баллистическую ракету укроповскую.

Честно говоря, как-то малоперспективно выглядит использование подобного вооружения при современной противоракетной технике. Какое-то время ещё находимся в расположении, никак не хочется уезжать от ребят. Их здесь всего несколько, все впереди. И там снова заработал пулемёт. Толик торопит – надо ехать, время идёт быстро, а ехать прилично – дороги «сам знаешь». Прощаемся с бойцами и едем. Завтра нам предстоит узнать, что сразу после нашего отъезда их снова накрыло миномётами – «все дома поразбивало». А сейчас едем этими же дорогами обратно, впереди «отрабатывают» «Грады». Уже сумерки, и от раскинувшегося по вечернему небу сияния летящих реактивных снарядов захватывает дух. Едем. Грохот постепенно затихает, потом снова нарастает – дорога идёт вокруг Дебальцевского котла, нам нужно на другую его сторону, в Стаханов, там тоже штаб казаков. Атаман там Паша Дрёмов – боевой командир, воюет с первых дней, это его прозвали «вертолёт».

Подъезжаем. Грохот всё ближе. Казалось бы, к вечеру должно стихать, но нет – обстрелы усиливаются с обеих сторон. Грохот гаубиц перемежается длинными шумовыми волнами «Градов». На блокпостах по паре человек, у штаба также несколько казаков на карауле, привычное – «все на боевых».

- Паша где? Ему тут почта.
- Как где? Где все – на передовой.
- Жарко там?
- Да, жара. Подготовились навики, пока перемирие было.
- Двухсотые есть?
- Есть.

Ответы короткие.

Люди на посту:

- Пашу ждать? Будет он, нет?
- Да никто не знает. Пока не стихнет, вряд ли.

Темнее и темнее, грохот отдаётся по земле. Одинокий яркий фонарь вырывает большим кругом широкую мощёную дорожку со скамейкой и караульным перед штабом, ворота с частью забора по бокам. К дверям штаба то и дело на скорости подлетают заляпаные доверху грязью различные внедорожники с людьми, увешанными оружием. Резко тормозят. Кто-то вбегает и выбегает из штаба, а уже через мгновение машины срываются и уносятся в темноту. Канонада усиливается. Такое ощущение, что бомбёжка приближается – напряжение в каждом кубическом сантиметре пространства. Как нам быть? Ждать – чего? Гуманитарка в этот момент как-то потеряла актуальность, при этом оставить её некому, однако и обратно везти ни то, ни сё. На боевые не пустят, да и не знаем где.

Вдруг из очередной машины выходит офицер в белом маскировочном комбинезоне и с приятной улыбкой подходит к нам:

- Вы священник?
  - Да нет, простой монах.
- Улыбка расширилась, стала как-то ещё добрее:
- Я тоже монах.

И, глядя на мою вытянувшуюся физиономию, сразу поясняет:

- Позывной – «Монах».

А жаль, мгновенно в голове закрутились мысли вроде того: «Если так открыто признаётся, что монах, значит – есть благословение, а если можно этому монаху, то может и мне местечко найдётся...». Да... Слаб человек, слаб... Но говорю:

– Ну вот, встретились два монаха, слава Богу. А почему «Монах»?

– Я любил в молодости в монастырях помолиться, даже жил в одном год-другой. Потом женился, дом, семья, детки. Я здесь командир сапёрной службы.

Он майор, сапёрная служба одна из самых тяжелейших и опасных на войне, при всей кажущейся прозаичности самого понятия – сапёр.

– «Монах», а где Паша?

Было понятно, что мы уже не увидим этого атамана. Да и не знаком я с этим Пашей, как и с Узбеком, но много слышал о них от тех, кто воевал с ними. Им конкретно мы везли кое-что, они были теми, до кого хотелось дотянуться.

– Дрёмов на боевых, там сейчас очень жарко, только в моей службе трое 300-х и один 200-й. Вчера, например, в атаку впереди ходили все офицеры, Паша первый на пожарной машине, еле отбили. Это далеко, дорог туда нет. Мотаюсь туда-сюда на «Урале». Положение тяжёлое, укропы озверели совсем. А вы что хотели?

– Привезли кое-что из продуктов, да так... На Пашу как бы собирали.

– Давайте ко мне в кабинет, я передам, идём.

Ну, слава Богу. Перетаскиваем продукты в кабинет и разговариваем с «Монахом», как-то оба рады этой встрече. Говорим о самом для него дорогом – о его семье. Показывает фото красавицы жены и деток, он их бесконечно любит, это чувствуется не только в голосе, но и в повороте головы, когда он говорит о них. Он из России и человек далеко не бедству-

ющий. В разговоре родилось убеждение, что именно эта бесконечная любовь к семье привела его сюда, воевать с чужим горем. Непостижимо, однако, достойно восхищения.

– Да у каждого, кроме этой основной, есть ещё и своя личная война...

Такими словами оканчивает нашу беседу «Монах». Говорим о нашем желании послужить молебны на передовых, он мгновенно понимает наше стремление, целиком его поддерживает:

– Без молитвы на войне нельзя – но сейчас просто невозможно, там очень жестокий бой, нереально пока...

Обещает поговорить с начальством, как станет чуть потише, провезти нас с ним на передовую отслужить молебен, поддержать бойцов. Привожу ему последний аргумент:

– У меня с собой частички мощей апостола Андрея Первозванного, великомученика Георгия Победоносца, святителя Николая Чудотворца и святого великого князя Александра Невского.

Такой аргумент ему вполне понятен. Вообще очень приятно было встретить человека грамотного в церковном отношении и сведущего в Священном Писании.

И тут же покоряет нас заботой о своих бойцах:

– Слушай, а 47 размер обуви есть? А найти не сможете? У меня один с таким размером, ну измучился человек, зима же, и не можем никак обувь подобрать.

– Найдём.

– Добро, завтра созваниваемся.

Всё, ему надо бежать, но надежда уже есть. Конечно, не завтра, но, может быть, через день, а завтра мы бы остальное развезли. Темно, вокруг всё грохочет, едем домой. Брат из Вырицы ждёт меня на «Ное» на одном из поворотов, я пересаживаюсь к нему, Толику необходимо ехать, там какие-то проблемы. Слава Богу, что мы успели измозолить глаза всем

бойцам на блокпостах, нас узнают, улыбаются и почти везде, не останавливая, пропускают. Как всегда, возвращаемся поздно ночью, как всегда, дорогу находим не сразу, как всегда, замученные, но «исполненные долга». Наконец, далеко впереди, в конце еле угадываемой в темноте улицы, одинокий свет в доме отца Алексея. Как всегда, бабушка нас ждёт, всё, как всегда, в Донбассе.

Завтра отцу Алексею нужно с утра везти детей в больницу, это в местных условиях проблемно. Потом развозить гуманитарку, которая оставлена на приходы – люди ждут. И у нас будут дела. Решаем завтра ехать к Донецку, есть у нас там кое-какие адресаты, передают люди своим близким кто что может, довести это до бедствующих людей – святое дело. Всё складывается благополучно, ещё бы договориться завтра с «Монахом» о молебне на передовой с той стороны котла, а с другой стороны поможет кто-нибудь другой, Толя, например... Эти мысли путаются в голове во время вечерней молитвы, они же сопровождают нас в сон.

Донбасс. День пятый

Сегодня Толик в батальоне. Там этой ночью у его боевого товарища разбомбили дом родителей в Угледорске, и они их вывозят. А вчера ночью после нас Толя вывозил на «о» семью друга. К тому же у нас сегодня, так сказать, мирная миссия, нужно отвезти адресную помощь в район Донецка. Разные люди, когда узнают, что мы едем в Новороссию, передают с нами своим родным и близким какие-нибудь, часто наскоро собранные, «передачи». И вы знаете, подобные поручения – самые приятные, как-то особенно радостно дотянуться до людей в беде, приехать к ним, постучаться и сказать:

– Здрасьте, помните таких-то (людей, которые живут за несколько тысяч километров), ну вот, они вам тут передали кое-что, возьмите, пожалуйста. Да во Славу Божию помолитесь о нас, грешных.

И они обязательно помолятся, и мы ощутим это. Радость этих, всегда очень нуждающихся людей, обязательно больше оказанной им помощи, это одно с лихвой «окупает» все затраты и заботы. А чувство благодарности и смущение, которое они испытывают в тот момент, не даёт задерживаться – уходишь, чтобы просто не разреветься. В который уже раз убеждаюсь, что МИЛОСЕРДИЕ больше пользы приносит тем, кто оказывает его, намного больше.

В общем, завтра едем в Донецкую республику. Границ пересекать не надо будет, и там нас легко сможет сопровождать наш друг «Вар». Он местный и все дороги знает. Так что Толя сможет, наконец, заняться «своими делами». Конечно, замкомбата разрешил ему нас сопровождать, всё же мы как бы «Августовские», однако есть дела и в батальоне – война, знаете ли. А кроме этого, если мы эту ночь наконец-то отдохнули, то вот Толику, как мы говорили, не удалось.

Так что с нами «Вар». Интересный позывной. «Вар» древнееврейски означает «сын», причём он этот позывной не придумывал, такое прозвище ему дали в юности по неизвестной никому причине, а имя его – Валерий. В общем, с утра забираем в Антраците этого самого Валерия и едем, вначале по магазинам и аптекам. Дело в том, что «своё» мы уже раздали, либо остались посылки по конкретным адресатам, а в процессе общения обнаружили срочные непредусмотренные нужды, вроде ботинок 47 размера, каких-то ещё бытовых необходимостей, ну и, конечно, лекарств. Последнее здесь проблема: во-первых, очень дорого и дефицитно, но если и окажется в наличии, то в лучшем случае один-два экземпляра. Соответственно, объезжать пришлось все аптеки, какие смогли найти.

Это Милость Божия, что деньги какие-то остались, как раз из тех – «на всякий пожарный», вот тебе этот «пожарный» случай – тут как тут. И опять же по Милости Божией всё сразу находилось:

– У вас ботинки зимние 47-го размера есть?

– Как раз одни есть.

Звоним «Монаху»:

– На связи.

– Слушай, кроме башмаков, что-нибудь нужно?

– Ну да, монах. Тут медики наши кое-что спросили, я эсэмэской сброшу, хорошо? Ну, с Богом. На связи.

Нам как-то очень понравилась фраза «На связи», в русском языке «связь» – слово глубокое. И тоже всё нашлось как-то сразу, так ещё и денег хватило (что поудивительнее будет).

И так повсюду. Если мало было в наличии в одном месте, тут же оказывалось где-нибудь рядом. И тоже «случайно». Или вот характерный случай с иконочками, книжками и ленточками с молитвой. Знаете, есть такие ленточки, на них написан 90-й псалом и молитва «Да воскреснет Бог...». Эти ленточки пользуются заслуженным интересом у солдат, молитву не каждый знает наизусть, а тут взял и прочёл. Молитва эта заклинательная и совершенно точно от зла ограждает. Ну а про 90-й псалом всем известно, даже учёные медики провели исследования и выяснили, что, когда человек читает «Живый в помощи Вышняго...», начинают исчезать психические патологии, а насчёт духовных – любой монах или священник может засвидетельствовать, я думаю, не один случай, если не исцеления, то облегчения болезни это точно.

На войне потребность у людей в заступлении Божиим намного больше, солдаты просто инстинктивно зывают к Богу, часто внутренне, тем не менее, постоянно – на войне смерть близко всегда. И Господь, конечно, откликается на молитвы, как Сам, так и через святых Своих. И людям это известно.

Им не нужно ничего рассказывать, они просто все испытали Помощь Божию на практике. Например, наш Анатолий единственный раз забыл положить в карман иконочки и ленту с молитвой и именно в этот день его ранило. О гораздо более интересных случаях вам расскажет любой участник войны.

С этими ленточками и иконочками и у нас не так просто складывалось. Мы ещё перед отъездом из Вырицы накупили в их церковной лавке иконок, молитвословов и забрали все имеющиеся там ленточки, причём ленточки нам уже пожертвовали продавцы от себя. Лента ещё чем удобнее? Скажем, молитвослов или молитва – на картонке, промокнул, легко рвутся, за ними надо лезть в карман, что неудобно, когда ты в «разгрузке» или бронжилете, а ленту бойцы часто наматывают на руку, то есть она всегда на руке, быстро размотал и прочёл. Да и спокойней как-то, всегда на глазах слова молитвы. Короче говоря, все ленточки в церковной лавке мы забрали, нам их упаковали в пакет, а мы этот пакет потеряли и спохватились уже в Донбассе. Вначале думали, что при разгрузках-перегрузках положили с другими вещами. Смотрим – нет. Всё перерыли, перепроверили, заново пересмотрели весь груз – нет! Господи, помилуй, ну что ж такое? Даже перед сестрами из лавки неудобно теперь будет, мы им расписывали, что везём священникам в Антрацит, те будут раздавать всем нуждающимся, да и сами развезём по Донбассу. Ну что мы им теперь скажем, когда приедем? «Простите, а вот ленточки и иконочки ваши мы, где-то по пути обронили» – так что ли? Короче, огорчение было такое, что доводило до уныния. А перегружали мы на границе, как вы помните, три дня, и все эти дни мы честно-благородно заново всё пересматривали. Кроме всего, ситуация усугубилась тем, что здесь достать всё это было проблемно.

Все три дня этих перевозок-перегрузок мы пребывали в крайнем расстройстве. Потеря, сравнимая с тем «малым золотником», просто угнетала. Однако, переходя туда и сюда

границу, мы в период этих скорбных перегрузок сдружились с таможенниками. И вот когда мы забирали последний груз, один из них подходит:

– Отец, послушай: тут какая-то делегация священников была месяца полтора назад, и они коробку свою забыли. Куда девать, не знаем. Может, возьмёшь себе? Глядишь, где-нибудь там и пригодится.

Не хотелось связываться с какими-то чужими коробками, да неудобно перед таможенней:

– Ну, давай глянем, что там у вас.

Перед нами на стол бухается здоровенная коробка, только открываем её, и на глаза сразу попадают дорогие сердцу слова: «Живый в помощи вышняго...». Господи, помилуй, всё «на ряду» – стопки ленточек, стопки иконок и молитвословов, только раза в четыре больше, чем мы потеряли. Да, ленточки другого цвета, зато одного (наши были разноцветные), и материал на них более прочный. Слава Тебе, Господи! Не передать то облегчение, которое мы так внезапно получили. Коробка эта сопровождала нас до последнего дня, и все желающие (а таких «было и было») получали заветные ленточки и иконочки с молитвословами.

Но вернёмся к текущим событиям. Закупили все, на что хватило наших ресурсов, и двинулись в сторону Донецка. Казалось, Новороссия однородна, однако отличие всё же было. Например, в Донецкой области лучше дороги, а на блокпостах все в гражданской одежде, как ополченцы, и больше пожилых людей. Сильнее бомбят. Если в Луганской области есть места, например, Антрацит, где еле-еле слышно взрывы, то в Донецке грохочет повсюду. Положение в Донецкой республике кажется более тяжёлым, может быть, из-за этой как раз канонады. Но, тем не менее, добрались до нужных мест, дотянулись до людей, которым везли весточки от близких, кратко порадовались с ними и тронулись в обратный путь.

Наш «Вар» воевал в этих местах, попадал здесь в окружение и сейчас очень живо рассказывал, как они выходили из окружения, показывая места, где попадали под обстрелы, где им удалось продраться сквозь заросли и вырваться из-под обстрела, где они лежали, затаившись, затем отстреливались и снова прорывались, и снова попадали под обстрел. Да, тогда Новороссия была на краю гибели, однако они устояли. Конечно, с нашей (России) помощью, однако благодаря личному героизму жителей Донбасса, этого не отнимешь. Не было бы этого героизма, и от помощи России толку бы не было никакого, ведь армию России туда не введёшь (как бы ни хотелось).

Глубоко во второй половине дня мы въезжаем в Луганскую область и напрямиком (а это более сотни километров) мчимся на нашем «УАЗике», подпрыгивая, как кенгуру, на кочках, в сторону Стаханова, на другую сторону Дебальцевского котла. Постепенно пространство вокруг начало затягивать туманом. Подъезжаем поближе, звоню «Монаху», тот сразу снимает трубку:

- На связи.
- «Монах», ты? Это монах.
- Я. Здравствуй, монах. Как ты?
- Слушай, мы тут к тебе с башмаками 47-го размера, ну и так на пару слов. Ты где?
- Еду сейчас на передовую, везу снаряды.
- Ну как у вас там?
- Бои идут непрерывно, ночью было очень тяжело, только 200-х 40 человек.
- Ничего себе! И как?
- Да отбились, но очень упорно огрызаются, хорошо они укреплены, не теряли времени даром во время перемирия. Теперь мы теряем лучших ребят.

Поговорили. С «Монахом» беседовать не скучно никогда, однако, сейчас не время, скоро он отключится, надо ехать и нам. Договариваемся на завтра о встрече после обеда.

– Позвони поближе к середине дня, я постараюсь упростить начальство и взять вас с собой на передовую под свою ответственность. Конечно, надо там отслужить молебен. Посмотрите заодно на наше житьё-бытьё. А башмаки и прочее оставьте в штабе. Скажете дневальному, он у меня в кабинете положит. На связи.

– Добро.

Подъезжаем к штабу. Та же, что и вчера, обстановка, только машин поменьше, просто время более позднее, все уже на передовой безвыездно. Передаём дневальному посылочку, говорим кому, тот принимает и сообщает, между прочим, что передали воздушную тревогу. Входит какой-то молодой офицер и, улыбаясь, говорит солдату, что вроде бы на нас летит «точка У». Это вообще-то баллистическая ракета, и непонятно, кто из них пошутил, или оба не шутят, но тоже улыбаемся, дескать, нам хоть «У», хоть «МУ». Однако дело сделано, время позднее и надо ехать.

Кроме всего, мы сегодня дадим отдохнуть нашему отцу Алексею, а матушка с малым хоть отдохнут от ванной. Это «Вар», в манере, не допускающей возражения, приглашает нас к себе в гости на ужин с ночевкой. Он всю жизнь прожил в Антраците, благополучная семья, взрослая дочь-студентка, прекрасная жена, сам он молодой пенсионер, живут в хорошей трёхкомнатной квартире. Время позднее. Мы из Стаханова-то выехали – уже поздно было, а завтра предстоит тяжёлый день, так что если к отцу Алексею ехать, это мы только к утру спать ляжем. Ну к чему мучить людей без конца? Да, честно говоря, и нам самим хотелось посидеть, поговорить с Валерием, познакомиться с его семьёй, мы как-то сдружились с «Варом».

Заезжаем, наконец, в Антрацит. Город времени народного бедствия ночью. Мы как-то описывали его, и сейчас – те же одинокие ларьки, вырванные из темноты тусклым светильником, те же редкие прохожие и полупустые магазины, закры-

тые после 16-17 часов, дома с редким светом в окнах. Почти ничего не изменилось со времени нашего последнего приезда. Хотя нет, изменилось. Люди стали как-то увереннее себя чувствовать в таких условиях, но не в положительном смысле, а стали привыкать, как бы теряя надежду, что всё наладится...

Подъезжаем к дому Валерия. Первое, что бросается в глаза, – объявление на подъезде: «Во время артобстрелов и авианалётах всем жителям спускаться в бомбоубежище» (и адрес убежища, это под соседним магазином). Но поднимаемся в дом, и поздним вечером нас, уставших, ждёт с любовью приготовленный обед и вообще самый радушный приём. Долго разговариваем. Пока Валерий воевал, его жена (её зовут Виктория) пережила в Антраците все бомбёжки. Мы не представляем себе, что такое война в твоём родном городе, том самом, где ты всегда жил и живёшь, где твоя семья и твоя родня, близкие. Что значит находиться без света и средств к существованию, под бомбами в подвале, в голоде и постоянной тревоге о муже. А муж в это время совсем недалеко отсюда отстреливается от таких же русских людей, которые вдруг начали прыгать на площадях и называть себя украми, не понимая, за что те хотят его убить, однако, даже не зная, в подвале ли его жена сейчас, или нет уже никакого подвала, как и десятков беззащитных женщин и детей, там скрывающихся.

Во время разговора звонит бабушка и сообщает, что тоже договорился о молебне на передовой, только на утро и с другой стороны Дебальцевского котла. То есть мы успеваем в два места. Это больше, чем мы заслуживали. Ну что ж, Господь милостив к нам, надо молиться в таких местах, вместе с теми, кто воюет, чтобы Господь прекратил это испытание. Однако если испытание послано, уж наверно для того, чтоб мы его достойно преодолели, стали выше зла. Так бы вцепились в Хитон Христов, чтоб Господь сделал нас сильнее ада, вернул бы нас к себе, чтобы мы все вдруг вспомнили и осознали – мы Образ и Подобие Божие.

В таком духовном состоянии мы окончили сегодняшней, пятый по счёту, день нашего пребывания на Донбассе. Особенно рано подскакивать нам не надо, отец Алексей утром заедет в Есауловку за отцом Иоанном, и они вместе приедут за нами. С нашим сопровождением на завтрашний день мы встречаемся утром, здесь же в Антраците. Молимся и укладываемся спать в зале, наконец-то, никому не мешая.

Донбасс. День шестой

После утренних, под строгим надзором хозяев, как следует, завтракаем, внизу нас уже ждут отец Алексей с отцом Иоанном. На соседней улице штаб казаков, которые нам сегодня выделяют сопровождение и пускают на свои передовые позиции. Подъехали, входим. Штаб как штаб: внизу – начальник караула, на втором этаже – дневальный, всё как положено. На кухне чистят картошку и дряют пол. Порядочек везде. В комнатах чисто, обстановка – спартанская. На весь штаб несколько человек, как и везде сейчас по Донбассу. Сопровождающий нас боец как раз из России – доброволец. Наконец-то поближе рассмотрим русского солдата в Новороссии, хотя, конечно, здесь, вне всякого сомнения, все люди русские.

Позывной его мы называть не будем, он служит в действующей армии, а во времена гражданских войн излишняя информация может очень навредить. Как говорили в моём детстве, «болтун находка для шпиона». Это молодой симпатичный парень, имеющий военный опыт, очень деликатный, внимательный, вежливый и ответственный. Едем в место военных действий, к Дебальцевскому котлу. Те же дороги в ухабах, блокпосты, на которых, увидев нас, улыбаются и почти не останавливают, да и мы уже запомнили этих бессменных ребят. Кому-то передаём ленты с молитвой и 90-м псалмом,

иконочки, кому-то вчера пообещали крестик, а с собой уже не было, и сегодня выполняем обещание, кому отвечаем на вопрос, либо записываем имена для поминания в монастыре. И так же, чем ближе к передовой, тем сильнее грохот от артобстрелов.

Подъезжаем к большому шахтёрскому посёлку (много трёх- и пятиэтажных домов), здесь расположение воюющей части. Бомбят где-то совсем рядом и с обеих сторон, грохот отдаётся по земле так, что всё вздрагивает. Проезжаем несколько противотанковых орудий – стоят на боевых позициях. Перед переездом – несколько самоходок, на рельсах – наш подбитый танк, за переездом по сторонам – два танка в глубокой траншее по башню – тоже на боевой позиции. По краям дорог машины с боеприпасами. Грохот канонады перекрывает знакомый шум грозовой, с длинными перекатами, волны «Градов». Укры пытаются прорваться, наши сдерживают.

– Где прорываются?

– Да пытаются по всей линии котла, но вот сегодня здесь особенно прут. Сдержим.

– А вдруг прорвутся, сможете отбить?

– Надо сдержать. Если прорвутся, они нас просто сметут, их больше раз в пять, это как минимум.

Говорим с казаком. Он донец, местный, говорит спокойно, не боится, просто констатирует факт. Вокруг все заняты своим делом. У дверей штаба быстро меняющиеся легковые машины, битком набитые военными, все в полном вооружении, кто-то быстро подходит, кто-то подбегает, в общем активное движение. Отец Алексей пошёл договариваться, чтобы нас провезли на передовую линию отслужить молебен. Мы осматриваемся.

Да, страшное лицо у войны. Несмотря на то, что от грохота трясётся земля, недалеко проходят пара пенсионеров, какая-то женщина средних лет – это жители посёлка. У людей

потемневшие лица. Хорошо видно, что люди приличные и точно не пьющие. На лице горькая отрешённость от всего, идут согнувшись как-то. На войне везде трудно, особенно мирным жителям. Там, где обстрелы подальше, люди держатся и не падают духом, а вот в районах бомбёжки людям очень трудно морально. Давит не только и не столько страх, но постоянная неизвестность, ничего хорошего точно не предвещающая, тяжёлая военная неизвестность. В любую минуту возможно, однако, неизвестно где, как, когда, кого убьёт. И люди, особенно, кто постарше, идут по-настоящему согнувшись от этой тяжести, с застывшей скорбью на потухших лицах. Поверьте, страшное зрелище – эти невинные, беззащитные, совершенно безответные старики и старухи, оказавшиеся под ударами современного оружия.

Страшнее этого только дети в этих же условиях, и мы видим их во дворах пятиэтажек. Прямо перед нами в соседнем дворе, напротив дверей подъезда, стоят трое детей лет десяти, мальчик и две девочки, от грохота не далёких взрывов подрагивает земля, а они просто сгрудились и стоят. На фоне всего этого военного движения и бомбёжки по-настоящему жутко смотреть на этих детей. Господи, помилуй всех этих людей. Хочется схватить этих ребятшек и быстро увезти подальше оттуда – «куда глаза глядят», но не возьмёшь и не отвезёшь, у них здесь родители.

Выходит наш священник, с ним трое командиров, ополченец и двое казаков. Приветствуют, дают краткие указания, и мы едем дальше. С нами впереди на «Ниве» двое военных, оба местные, взрослые, лет пятьдесят одному, под шестьдесят – другому. Им туда же, и они заодно нас сопровождают. На дороге всё дышит боем, танки, бэтээры, впереди машина тащит пушку, на скорости обогнал нас миномётный расчёт. Мимо идут со снарядами машины – одна, другая, обратно едут пустые грузовики. Грохот, всё подрагивает, «отрабатывают» «Грады», пере-

крывая всё это шелестом апокалиптической грозы. Изредка какие-то редкие реплики проезжающих, и всё это как бы в одном некотором захватившем всех ритме. Мы тоже становимся частью окружающего действия. Наш батюшка даёт реплику:

– Пошёл адреналин.

Казалось бы, неуместная в данный момент фраза, однако достаточно верно оценивающая общее состояние всех окружающих. Подобное состояние имело место и весьма. И именно это единственное, как бы ни казалось странным, облегчает жизнь военных. В бою солдаты, захваченные этой военной страстью, самые трудные моменты переживают, словно в горячке, проскакивая их в сознании. А вот гражданские люди всю войну просто выпивают по ложечке, как те дети у подъезда, проводя в ужасе сутки за сутками.

Отъезжаем прилично вглубь котла. Снова противотанковые пушки, несколько танков и расположение танкистов, потом большое поле, речушка в зарослях, мост – и выезжаем на горку, попадая в кучку оставшихся от деревни домишек, частью повреждённых, частью разрушенных. На то, что это бывшая деревня, указывают заброшенные огороды с остатками загорода. Здесь позиции миномётчиков. Это передовая. Впереди сквозь канонаду слышится «работа» стрелкового оружия, бьют АКМы, время от времени вклиниваются длинные пулемётные очереди.

Сразу собираются бойцы. Медлить некогда. Смахиваем с пня грязь, ставим крест, кладём Евангелие, ко кресту прислоняем мощевик, там частички мощей ап. Андрея Первозванного, вмч. Георгия Победоносца, свтт. Николая Чудотворца и св. вел. кн. Александра Невского. Едва накинув фелонь, отец Алексей, повернувшись в сторону взрывов, «даёт» возглас:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

– Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе. Царю Небесный...

Служим молебен. Бойцы стоят сосредоточенно, совсем рядом рвутся снаряды, никто не шелохнётся. Когда звучат слова заключительной молитвы, все должны быть на коленях. Под ногами зимняя грязь со снегом. Ни на секунду ни один боец не смутился, все одним движением оказываются на коленях вместе с нами. Молитва длинная. Опустив голову, молятся все. По окончании один священник идёт с крестом, все прикладываются, другой следом окропляет святой водой, и за этим я с мощами святых обхожу бойцов, каждый прикладывается с благоговением. Господи, кому-то лет шестьдесят, кому около сорока, местные шахтёры, но половина молодёжи, из молодых

человека три из России. У одного из взрослых двое сыновей воюют сейчас впереди, просит помолиться. Помоги им, Господи.

Едва последний приложился к мощам, раздаётся протяжный крик командира:

– К бою!

Начинают работать миномётчики, тут же на крыше полуразрушенной небольшой избушки сидит корректировщик и даёт координаты для наводки миномётов. Вокруг гора ящиков из-под мин, тут же стоят и полные. Мы тихонько прилепились позади ящиков с минами. Громко и кратко обмениваются координатами командир с корректировщиками, тут же следует команда заряжающим, реплика нам:

– Осторожно, отцы, сейчас грязь полетит во все стороны.

И тут же сзади наш послушник:

– Уши, отец, уши.

Одновременно воздушный удар, вспышка пламени, вздрогнула земля и шарахнуло. Тут же резко выключились ушные перепонки и – звон. Похоже, уши всё же не закрыл тол-

ком. Из-под миномёта грязь комками во все стороны. Ладно, следующий раз закрою уши получше. За спиной стон брата, который предупреждал меня насчёт ушей, сам-то он уши не закрыл. Крик командира:

– Дубль ушёл, лови через 30 секунд!

Вдалеке два взрыва подряд – это наши. Сверху выкрикивают координаты, тут же команда направляющим, те что-то подкручивают и снова:

– Готовы?! Первый, второй, третий, заряжай!

И корректировщику:

– Тройка пошла, лови!

Три взрыва подряд, звон в ушах, хоть и закрыл, но с непривычки всё равно глохнешь.

– Ничего себе удары! Я думал миномёт бьёт как-то потише...

– Это стовадцатые, – поясняет наш Лёха-казак – как будто эти слова что-то могут мне объяснить, однако понимающе мычу в ответ, дескать, ну тогда понятно...

Снова сверху выкрикивают координаты, снова наводящие что-то там подкручивают, заряжают. Затем снова крик командира, за спиной знакомое: «Отец, уши закрой» – и снова пламя, воздушный удар, вздрагивает земля одновременно со звуком выстрела, грязь комками во все стороны, глухота и звон, за спиной снова длинный стон брата, снимающего на телефон. Не понимаю, он что – специально: мне говорит, а сам уши не закрывает? На дороге сработала сигнализация на нашем микроавтобусе. Мимо в сторону стрельбы понеслась «Нива» с бойцами, обвешанными оружием. Прорычал грузовик с боекомплектком. Снова крик корректировщиков, и снова бьют наши миномёты. Один, который ближе к нам, от детонации выскакивает из своего места, и его быстро заново окапывают и устанавливают, снова заряжают и снова бьют миномётчики.

Вдруг сверху длинный протяжный визг.

– Ага, оборотка пошла.

И сразу за словами Лёши взрыв и всплеск земли в огороде через дорогу.

– Перелёт, – констатирует наш парапланерист, не очень-то, по-видимому, переживая. Подходит один из командиров миномётчиков:

– Отец, вам надо ехать. Пошла ответка. Сейчас перелёт. Как раз в ту сторону. Пока подождите. Они откорректируют и будут бить в другое место. Как только через 30 секунд не будет дубля, сразу ежайте. Значит, стрельба прекратилась, а они корректируют и огонь перенесут.

– Добро. Я всем скажу.

Иду, зову брата, который из Вырицы. Он тоже снимает и не может оторваться, захваченный общим возбуждением. Вполне его понимаю. Подходят отцы Алексей и Иоанн, с ними Лёха-казак, который вдруг начинает считать:

– Раз, два, три... двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Всё, отцы, быстро едем, они сейчас откорректируют и перенесут огонь сюда.

Смотри-ка ты! Как будто слышал наш разговор с миномётчиком. Одно слово – военный человек. Ну ладно, не удалось мне блеснуть знанием (только приобретённым), не успел. Однако надо спешить, все быстро в машину и по газам. «Нива» казаков-миномётчиков впереди.

– Вывезем из района обстрела, надо спешить.

Спешим. Выезжаем назад и едем по дороге через поле. Сбоку на земле всплеск, комки земли во все стороны, что-то просвистело и – воронка, следом второй. Такие же взрывы и воронки с другой стороны. Интересно, из-за шума машины и общей канонады звук взрыва почти не слышен, как будто просто глубокие всплески на земле. Но вот впереди резко затормозила «Нива».

– Впереди тоже обстрел, не проехать.

– Ну дают укропы! Ещё больший перелёт. Да ладно, пойдём вон в овражке пока постоим. Сейчас они откорректируют и перенесут огонь назад (назад – это на батарею, откуда мы едем), потом и проскочим...

Да, что тут скажешь? Идём в овраг. Благо, он под боком оказался. Посидели в овражке минут двадцать. Стрельба вокруг закончилась и перенеслась в другое место. Это, строго говоря, не был обстрел, так – пристрелка. В общем, даже испугаться не успели, не говоря о нас, даже машину ни одну не задело. Едем обратной дорогой. Притормозили у позиций противотанковых орудий. «Нива» поехала обратно.

– Отцы, здесь уже не обстреливают, нам надо к своим, там бой, давайте, с Богом...

Священники наши тем временем окропляют святой водой артиллеристов вместе с пушками. К нам подходит солдат, интересуется, откуда мы. Это командир миномётчиков, он корректирует огонь своих отсюда. Мы говорим, что тоже едем от миномётчиков, только от других, с передка. Разговорились. Оказалось, что этот ополченец был перед войной на Афоне, ездил к старцу отцу Рафаилу, тот даже благословил их знамя. Теперь он в составе армии ЛНР, а знамя это хранит на груди, с ним он выходил из окружения. Бережно вытаскивает и показывает его нам. Знамя прострелено в нескольких местах пулями. Говорит, был во время перемирия в Питере, ходил на Смоленку к блаженной Ксении Петербургской. Радостно было слышать это. Мы как раз перед отъездом были у матушки Ксении, и мне подарили небольшую иконочку, копию иконы, написанной с прижизненного портрета св. бл. Ксении Петербургской. Дарим эту иконку солдату и трогаемся в путь.

Едем дальше дорогами войны. Нам на другую сторону Дебальцевского котла, к «Монаху». Проезжаем по знакомой

уже дуге артобстрелов. Напряжение не спадает, бьют с обеих сторон с остервенением, грохочет как артиллерия, так и миномёты, и, конечно, покрывается всё это волнами громового шороха «Градов». Вокруг всё начинает затягивать быстро густеющим туманом. Проезжаем Перевальск и созваниваемся с «Монахом». Слышим уже знакомое:

– На связи.

– Ты где, Павел? В штабе?

– В бомбоубежище. У нас объявили воздушную тревогу.

– Хорошо, мы едем к штабу, оттуда позвоним, добро?

– Давайте, я тоже подъеду, по-моему, сбили эту «СУшку».

Подъезжаем к штабу. Там группа каких-то корреспондентов, с какого-то телеканала, ждут также «Монаха». Да, неприятно, не любим мы незнакомых корреспондентов, нахлебались от них всего. Неизвестно, что они снимут и как отснятое прокомментируют. В этом отношении у нас, во всяком случае, опыт негативный в большинстве случаев, хотя, конечно, бывает всякое. Наконец, подъезжает наш командир сапёрной службы. Встречаемся уже как друзья, отводим в сторону и с грустным лицом показываем на телевизионщиков. Мы противники военного пиара и не для выставки в Интернет сюда приехали, нам дело надо сделать. Заходим во двор штаба.

Разговор прерывает громкоговоритель – снова объявляют воздушную тревогу.

– Ещё одна «СУшка». Идём в убежище?

– Да нет, ну куда бежать? Туман такой, нас всё равно не видно. Давайте посмотрим, если что – успеем забежать в убежище.

– Ну, вы хоть к стенке встаньте, под прикрытие.

Но говорит он, просто соблюдая правила безопасности, сам же явно не боится. Когда объявляли военную тревогу, как-то сразу вспомнились фильмы о войне, рёв нескончаемого потока самолётов, раскаты грома от множества выстрелов и

беспощадный визг осколков. Как-то поневоле все внутренне затаились: что же будет? Однако, было тихо.

Погода, надо сказать, в самом деле была не лётная, туман сгустился в молочко, но вот, наконец, где-то далеко вверху слышался гул самолёта.

– Да на какой же высоте он летит?

– На шести тысячах.

– Ничего себе! Да плюс туман. Куда же он надеется попасть?

– Зато безопаснее. А потом попадает техника, а не стрелок. Тот просто наводит, как, кстати, и с нашей стороны. Например, предыдущая «СУшка» даже отработать не успела – её сбили сразу на подлёте. Сейчас туман усилился, посмотрим.

Гул ближе. Слышим выстрел и вдалеке взрыв, снова выстрел и снова взрыв.

– Вот гад, два раза отработал, – это «Вар» комментирует. Однако не успел он договорить – и почти подряд два сухих громких щелчка, после второго звук от самолёта изменился на заунывное «У-у-у-у», затихающее и уходящее, пока всё не смолкло где-то в глубине тумана. Если и был взрыв от самолёта, то вдалеке, его невозможно было бы выделить из грохота общей канонады. Ну вот, и этого сбили. Да, в этой войне авиация бесперспективна. «Монах» везёт нас в расположение части, слава Богу, без теледрузей. Там пока грузят машину боеприпасами и лесом, нас поят чаем и показывают музей части. Это оружейный музей, для любителей очень интересный.

Но вот машина загружена боеприпасами и лесом для сапёрных работ, можно ехать. Однако все (а нас, надо сказать, большая компания) ехать не смогут, только двое в машине и двое в кузове, на дровах и на ящиках со снарядами. Наш провожатый успокаивает:

– Не переживай, отец, если попадут, то мучиться точно не будем.

Вот умеет человек утешить. Едем мы с отцом Алексеем в машине и брат из Вырицы с бойцом из казачьего подразделения в кузове. Первое – это выключаем телефоны и вытаскиваем батарейки.

– Там место такое – прорвались вовнутрь и держим оборону, как аппендицит в глубине «котла». Укропы вокруг. Радиосигнал улавливают сразу, поэтому без телефонов. Там свет-то и то включать нельзя, ехать будем без фар.

Мы приехали во второй половине дня. Пока погрузка, то-сё, и вроде сумерки начались, но видно было ещё вполне прилично. Едем. По словам нашего сапёра, то место, где мы были утром, в смысле опасности просто «отдыхает» по сравнению с тем, в которое едем теперь. Честно говоря, бойцы, приехавшие оттуда, тоже как-то удивлённо на нас смотрели, когда узнавали, куда мы едем. Но спокойствие «Монаха» передалось и нам. Потом, мы же говорили раньше, что он умеет как-то утешить, ну просто дар у человека. Вот и сейчас:

– Если начнут обстреливать, – это он сидящим в кузове на ящиках с боеприпасами, – то сразу прыгайте и бегите подальше от машины.

Надо сказать, что человеку, сидящему в серединке в кабине, в таком случае выход только через лобовое стекло, а это военный «УРАЛ». Хотя, возможно, в случае обстрела и это окажется вариантом. Но приятно было узнать, что в принципе шанс был, гипотетический, конечно, шанс, но и то утешительно. Я же говорю – талант у человека, вот может приободрить, умеет. Дорога, говорит, будет плохая, потом очень плохая, а потом ещё хуже. Отъезжаем далеко вглубь котла. Мы всё-таки думали, что это будет ближе. Дорога и в самом деле – грязь, почти под самые рессоры. Колея от танков. Как «УРАЛ»-то здесь проходит? Удивительно.

Однако, про дороги наш «Монах» всё же чуть приукрасил. В самом деле, вначале были очень плохие дороги, а потом вообще дорог не стало. Просто как бы распаханные гусеницами танков направления движения. Постоянно моросит, а почва – суглинок либо глина. Наконец, застреваем так, что не можем проехать никак. Однако наш сапёр снова и снова пытается за-

ехать на бугор, машина всё время скатывается в колею и барахтается на месте, почти лёжа на боку.

– Слушай, а если мы перевернёмся, и ящики со снарядами разобьются, они от этого взорвутся?

– Да нет, такое уже было сколько раз.

Однако въехать не удаётся никак. Удивляет спокойная настойчивость этого командира сапёров.

– Заедем всё равно.

Тем не менее, заехать не получалось никак. Вылезаем и пытаемся приволочь какие-то камни с болота поблизости и набросать их в колею, но это «слону дробина». Наконец, мимо проезжает бэтээр. «Монах» останавливает его, и мы пересеживаемся к ним на броню, едем дальше с ними. Доезжаем до какой-то развилки этих широченных полос разбитой танковыми траками грязи и выходим. Ребятам в другую сторону.

– А вам куда, отцы?

Говорим куда.

– Да нет, мы туда не можем, нам нужно срочно в другую сторону, а туда, куда вы сказали, сейчас, по-моему, вообще проехать не сможете.

Но пока остановились, пока говорили, вдали показался наш «УРАЛ». Слава Богу, проехал всё же наш сапёр, как и говорил, а мы не верили. Бронемашина пошла в сторону, а мы, пересев на грузовик, тронулись дальше. Всё-таки военный «УРАЛ» – это машина! Дорога чуть улучшилась (но дорогой в привычном смысле это назвать всё же было нельзя). По бокам привычные два-три танка, пара бронетранспортёров, да две три пушки по краю дорог. Впереди показывается какой-то посёлок. Бомбёжка со всех сторон. Едем по улице, и опять поражают местные жители. Какой-то пенсионер вышел из ворот и, не обращая внимания или вопреки грохоту орудий, бьёт с какой-то решимостью штыковой лопатой по земле, разбивая наледь возле ворот. Вот проходят рядышком один за другим

супружеская пара средних лет. Никуда не глядя, идут, согнувшись. Я даже специально посмотрел, не несут ли чего-нибудь тяжёлого в руках. Нет, руки пустые.

Сворачиваем за угол. Там другая улица, и первое, что вырывается из сумерек, – голубенькая курточка и розовая детская шапочка. Это девочка лет восьми просто неподвижно стоит напротив ворот дома. Словно ей дома страшно, а на улице идти некуда. Везде грохот, и стоит ребёнок на месте в безысходности. Господи, помилуй, как же страшно смотреть на этих детей войны, кто может оправдаться перед ними и чем?!

Что такое этот «правый сектор» и эти «бендеровцы»? Какое чёрное сердце нужно иметь, чтобы видеть такое и воевать? А они видят прекрасно всё это и продолжают уничтожать людей. Только здесь мы вполне стали понимать, что такое эта война, только глядя на этих людей, страдающих из-за других, точнее даже не знающих, за что они страдают. И мы бессильны, мы спешим, потому что везём снаряды на передовую. Господи, безысходность, какая же безысходность. Поверьте, в такие моменты душе физически больно.

Едем уже в темноте. Наконец, доезжаем до места назначения. Недалеко «работают» миномёты. Это укроповские. По бокам, совсем рядом, как справа, так и слева – лесополоса, там периодически автоматные очереди – «обрабатывают зелёнку». Впереди тоже рядом артобстрел. Темно. Строгая маскировка. Все средства связи здесь запрещены, впрочем, какие-то специальные рации время от времени включают. Слышим крик в рацию какого-то казака:

– Узбек! Если это ты, то бей дальше и правее. Как понял?!

Мы проходим в темноте в избушку, к танкистам. Внутри свет, окна строго затемнены, на полу солома, укрытая куртками ребят, в середине стол. Бойцы поднимаются, кто отдышал, остальные подходят к нам. Вместе освобождаем стол для молебна, так же кладём Евангелие, крест и мощевик.

– Ребят, вы танкисты? Ну, давайте помолимся.

– Отче, – возглас, и тишину, как аккуратный нож масло, разрезает негромкое:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Служим молебен, коленопреклонённо молимся. На всех сходит благодатный покой. Кто молился когда-нибудь, знает эту радость. Все прикладываются ко кресту и мощам святых, всех кропят Крещенской водой. Интересно было посмотреть на фотографии этого молебна. В самой избушке было светло, однако несколько фото оказались затемнены. На них светилась фелонь священника, а на одной – в полумраке яркое свечение вокруг креста. Можно по-разному относиться к фотографии, однако мы были там и свидетельствуем явно ощутимую благодатность происходящего. Потом, когда мы уже были в Питере, звонил «Монах» и говорил, что после этого молебна у них не было ни одного не то что убитого, но даже и раненного. Из опыта многих известно, что Господь Милостив к защитникам Отечества.

Помолились. Потом мы с удовольствием попили чайку с танкистами. Однако долго сидеть неудобно, ребятам (самого разного возраста) надо отдыхать. На вопрос «Откуда?» знакомый ответ: «Из Инакиева, из Перевальска, Алчевска, Углегорска и т. д.». Из России есть кто-нибудь? Один есть.

– А как же вы? Танк всё же техника сложная...

– Да вот так, переучивались. Кто из трактористов, кто в армии служил танкистом, кто как.

– Понятно. Ладно, нам надо идти. Ну, с Богом...

– С Богом.

Выходим. Однако нашего сапёра нигде нет. Спрашиваем, где он может быть, – нам советуют подождать в соседней, трудноразличимой в темноте, избушке. Идём туда. Во дворе в темноте стоит небольшой отряд военных. Человек восемь направляются на выход. Из темноты только торчащие отовсюду стволы. В глаза бросается ручной пулемёт и свисающие с него ленты с патронами в руках одного из бойцов. Пропускают нас в избушку, сами выходят и сразу растворяются в темноте – казаки. В избушке свет, окна так же затемнены. Нас усаживают

за стол и пытаются накормить, но есть мы точно не хотим. Мы торопимся, в городе нас ждут отец Иоанн, наш водитель из монастыря и Лёша-казак. Но наша спешка как-то ни на кого не производит никакого впечатления. Где наш сапёр никто не знает, и похоже не очень-то пытаются узнать.

Дело в том, что машины его нигде нет, а куда уезжает – он никому не докладывает. На улице мелкий дождь. Нас успокаивают:

– Ну он же знает, что вы здесь. Так что, когда нужно, заберёт.

– А вы что – икону привезли? – это один из командиров спрашивает.

– Да нет, просто помолиться приехали и частички мощей святых привезли, – перечисляю святых, чьи частички мощей у нас с собой.

– Ух ты! А можно приложиться?

– Ну, конечно, – вытаскиваю мощевик, он прикладывается с чувством, как бы вдыхая от мощевика.

Проводит нас в соседнюю комнату, показывает на солому в углу комнаты, накрытую плащ-палаткой:

– Отцы, мой совет – ложитесь отдохните. Неизвестно, что когда будет.

– Мы не можем, нам надо спешить, нас люди ждут.

Казак смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

– Ты же монах, а значит должен знать, что на войне торопиться нельзя.

Это парень лет тридцати пяти, приятной наружности, лицо серьёзного человека, для которого передовая – место знакомое и естественное, лицо войны. Делать нечего, спать мы, конечно, не легли, но сели пить чай. Через полчаса появляется, «как свет в окошке», наш «Монах», улыбается. Ну, слава Богу, скоро поедem. Нас переводят в другую избушку, туда, где сапёры и «птуршики» (это стрелки из ПТУРСов, противотанковых

ракетных ручных установок, таких, как миномёты ручные, только мощных и посложнее). Снова нужно подождать, пока наш сапёр что-то где-то там разгрузит. Ну, ждём.

Через минут двадцать заходит наш сапёрный командир:

– Надо подождать ещё минут сорок, – и, глядя на наши безрадостно вытянутые лица, поясняет, – ребят надо с первой линии забрать. Они там несколько дней сидят, им смена пришла, а они сменятся только через сорок минут. Заберём их заодно и отвезём в часть, устали парни.

Снова пьём чай и разговариваем с бойцами, кто-то спрашивает важное для него, кто-то рассказывает что-то сокровенное. Как-то уютно. На улице всё это время так же бомбят, так же время от времени с боков автоматными очередями «обрабатывают зелёнку». Выходим на крыльцо. Там в темноте слушаем канонаду, автоматную стрельбу впереди и рассказы бойцов. Вот в воздухе засвистело. Это ответный минный удар укропов по нашим позициям, но в сторону. Стоим на улице. Тихо рассказывают, как когда свистят мины, когда нужно бежать и куда, как отбивались вчера и позавчера. Прошлую ночь их позиции накрыли плотно, сейчас просто наши поддерживают атрогнём сбоку (похоже, Узбек), и не дают укропам сосредоточиться. Кстати, «СУшка» вторая, сегодня бомбила эти позиции, а «точка У» – баллистическая ракета – в самом деле была, её правда сбили наши на подлёте.

Вот засвистело совсем близко, и нас просят зайти внутрь, потом в блиндаж (во дворе выкопано подzemелье и укрыто каменными плитами). Но от блиндажа мы отказались, как-то неудобно, лучше вместе со всеми, здесь, в избушке. Взрывы от мин перемещаются постепенно назад. Заходит один из солдат, улыбается:

– А хорошо, что вы не поехали. Сейчас как раз эту дорогу бомбят. Вас бы в аккурат накрыло.

Прав оказался тот казак: на войне торопиться нельзя. Дверь приоткрывается и заходит человек. Увидев нас, немного смущается.

– Простите, пожалуйста, я тут возьму ружьишко.

И выволакивает из соседней комнаты противотанковое ружьё времён Отечественной войны. Оно на самом деле очень большое такое, массивное. Человек с ружьём так же тихо и деликатно исчезает за дверью. На наши вопросительные взгляды отвечают, что на самом деле это удобная для войны штука, и солдатик (он, кстати, очень крупный, наверное, это ему нужен был 47-й размер обуви) очень это ружьё любит. А сейчас пошёл с ним на позиции. Очень радушны к нам бойцы, а ведь это время их отдыха, скоро их сменят уставшие с передовой. Через какое-то время дверь снова открывается и заходит смена с первой линии, те, кого мы ждали. Ну, слава Тебе, Боже. Со всем молодые ребята, насквозь промокшие – на улице дождь, и вообще погода эти дни сырая.

Как раз перестали бомбить в той стороне, куда нам ехать. Ещё немного времени собираемся, слушаем инструктаж: если нужно просто остановиться, то стучат из кузова по кабине размеренно, если опасность, то по-другому. Дело в том, что машина на этих дорогах ревет так, что не слышно выстрелов стрелкового оружия снаружи. Если обстрел, то одни бойцы открывают ответный огонь, остальные выскакивают и стреляют с другой позиции. Если обстреливают с обеих сторон, то просто несёмся на всех парах, а ребята отстреливаются в обе стороны одновременно. Ну, всем всё, наконец, ясно, и едем обратной дорогой. По совершенной темноте, без фар, однако, за стёклами всё различимо, вышла луна.

Состояние как бы душевной размятченности. На войне возникает такая особая братская близость, всех тянет на откровенность, полное доверие друг к другу. Потом этого всем, кто был на войне, будет не хватать. Подпрыгивая огромной машиной на ухабах и отчаянно газуя в непролазной грязи, мы с «Монахом»

поём громким дуэтом «Эх, дорожка фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая...». Потом вдруг останавливаемся.

– Свернули не туда. Мы ж в тылу у укропов, так можно и нарваться.

– А ты знаешь, куда ехать?

– Да конечно, мы не успели далеко отъехать.

В самом деле, проезжаем десяток метров назад – и мы на нужной дороге. Вот из темноты, с боков дороги, торчат стволы наших пушек. Интересно, как этот майор заметил, что мы проехали мимо, ведь ночь и ландшафт совершенно однообразный. Добираемся всё же до поворота на город, а ещё минут через 15 включаем фары. Ну, это уж совсем комфорт. Наконец, мы в воинской части. Наши заждались, переживали, не знали, что и думать, и всякое такое. Все устали. Прощаемся, обмениваемся телефонами и пожеланиями. «Монах» садится в свою «Ауди» (он на ней приехал на войну) и едет в штаб. А там – к себе, в скромную, как монашеская келлия, маленькую комнату, которая находится в штабе же, за стенкой его кабинета. Мы будем «На связи».

Ну что – всё познаётся в сравнении. Едем домой, и те дороги, о которых мы говорили «ухаб на ухабе», теперь оказались вполне приличными, просто-таки хорошими дорогами. Разрывы снарядов постепенно отдаляются. Все под впечатлением сегодняшнего дня, «ушли» внутрь себя. Блокпост. Нас тормозят – ребята встревожены, их всего двое.

– Отцы, осторожно. Впереди на дороге недавно работал пулемёт. Что там такое – непонятно. Наши поехали, но пока не вернулись. Можете здесь подождать.

– Да поедем. Если что, отобьёмся. Мы же с оружием.

– Ну, смотрите сами. Только аккуратнее.

Едем. Через пару минут видим встречную машину на аварийке. Это наши с блокпоста. Никого они не нашли, и кто там стрелял – непонятно. Какая-то, видимо, мелкая группа прорвалась, хотя гадать бессмысленно. Зато появилось одно радост-

ное известие: утром нас ждёт наш Анатолий. Он созвонился с Олегом – командиром танкистов, тот разрешил приехать к ним. Они сейчас на передовой, в той части котла, которая за Перевальском. Впереди оказался блокпост Антрацита, значит, скоро будем дома. Приезжаем неизвестно во сколько, даже на часы ни один не смог посмотреть. Просто вошли в дверь и, без всякого перехода, – уже утро, просыпаемся.

Донбасс. День седьмой (последний в этой поездке)

Решили сегодня же, сразу с позиций танкистов, выдвигаться на «О». Мы уже очень долго отсутствуем в монастыре, надо заниматься своим прямым делом, скоро Великий пост. Прощаемся с отцом Алексеем и матушкой, целуем ребятишек, все нам уже как родных. Но в путь. Встречаемся с Толей и двигаемся на Перевальск. Канонада особенно остервенелая. На дороге возбуждение большее, чем обычно. Несутся на большой скорости грузовики с боеприпасами, обгоняют с боков легковые с бойцам, идут танки колонной машин шесть, бронетехника, тянут пушки, проскакивают, обгоняя миномётные расчёты. Подъезжаем к блокпосту у поворота от Перевальска к передовой. На посту все новые, взрослые.

– Подождите. Там, похоже, прорыв.

Звоним Олегу:

– Что там у тебя, Олег?

– Отцы, ехать дальше нельзя, идёт бой, давайте назад.

Ну, что тут будешь делать? В танковом бою мы точно помочь не сможем ничем, а вот навредить сможем, если поедем без разрешения. Разворачиваемся и едем назад. Через пару часов выясняем, что атаку укропов наши отбили, бой идёт, но стоят прочно. Ну, слава Богу! Что ж – настало время нам возвращаться. Мы знали, что это время наступит, и двинулись на

«О». Толя провёл нас, как всегда, через таможеню, на нашей стороне нас узнали, но долго и тщательно обыскивали. Затем мы попали в объятия к Михалычу. На утро выехали, а болящий брат остался с «Газелью» в больнице.

А дальше мы ехали назад в монастырь. Дорога обратно была непростая. Мы несколько дней простояли с поломкой «УАЗика» в Богородицке, где встретили много прекрасных людей, и они помогли нам. А наш болящий брат покинул больницу, догнал нас и так далее. Всё обычное и не очень важное. Мы ехали в тишине, по России, домой, а люди, ставшие нам близкими, остались воевать и переносить тяготы войны со своим народом – с нашим народом. Как они там? Помогите им, Господи! И сделай так, чтобы война эта окончилась и не перешла на остальную Россию. Чем для нас была эта поездка? Оказались ли мы достойными дел МИЛОСЕРДИЯ? Наверное, нет. Может быть, пока нет. Пусть это будет началом нашего пути к Состраданию, пути к Милосерию и станет частью нашего пути к Богу. Надо молиться, чтобы Господь наставил нас на этот путь, и чтобы не было войны на нашей Родине, однако не как мы хотим, но как Бог.

Наверное, нужно добавить одну небольшую деталь. Мы выше упоминали про ленточки с псалмом «Живый в помощи Вышняго...», молитвой Кресту и всем остальным, что мы закупили в Вырице для приходов Антрацита и вообще людей Донбасса, как мы потеряли всё это, а потом удивительным образом нам таможенники подарили всё это же, только в большем количестве. Коробка с ленточками, иконами, молитвословами и крестиками всё время сопровождала нас на наших дорогах по Донбассу. Однако, когда мы выезжали, оставили её в машине у Анатолия с твёрдым его обещанием передать всё, что осталось, отцам Алексею и Иоанну, а те раздадут Антрацитовским отцам. Всё же мы и для них, в том числе, брали всё это.

Так вот, на другой день после нашего отъезда случилось происшествие, в результате которого у Анатолия пропала на

два дня машина. А когда машину вернули, содержимого в ней не оказалось. Не было там и нашей коробки. Таким образом, на Антрацит и приходы наших отцов ничего мы из этого не передали. Прошло время. Пошла вторая неделя Великого поста. Мне необходимо было ехать в Питер по делам обители. Конечно, вырываюсь к своим в Вырицу, а когда выхожу из часовни прп. Серафима, из ларька выбегает матушка – и ко мне:

– Отец, отец, ни тебя, случаем, Варлаам зовут? Я из иконной лавки. Помнишь, вы у нас ленточки для Антрацита покупали?

– Меня. Помню...

Так попался я честно-благородно, собрался поблагодарить этих матушек и рассказать, как мы эти самые их ленточки и всё остальное, что у них взяли, добросовестно довели и благополучно раздали, – в общем, наврать с три короба, но та не даёт мне рта раскрыть:

– Дак вы же в спешке их у нас в лавке и забыли!

– В лавке забыли?! Да ты что, мать?! А мы там всё перерыли на восемь рядов. Так вот, слушай, там такая история произошла...

И рассказываю ей, как нам всё это вернулось на таможне и прочее, умалчиваю лишь о том, что в Антрацит, в Луганскую область, отцам у нас не получилось оставить (зачем расстраивать женщину?), и заканчиваю рассказ великодушным:

– Так что, мать, пусть всё, что мы у вас оставили, и останется вам в пожертвование.

– А мы отдали всё.

– Как отдали? А куда?

– Да ты понимаешь, с неделю назад приехали казаки какие-то, мы спрашиваем: «Откуда вы?». Те говорят: «Из Антрацита». Ну мы им и отдали. Думаем, вы же туда хотели везти, а они пообещали там всё раздать по приходам...

На этом, собственно, можно и закончить эти путевые заметки. А со всеми нашими из Донбасса мы – «На связи».

Содержание

Из зимней Сторожны в «Август» и обратно (поездка первая)

Сборы. Путь до Новороссии	3
Первый день в Новороссии	5
Второй день в Новороссии	17
Третий день в Новороссии	24
Четвёртый день в Новороссии. Отъезд	41

Путь к милосердию (поездка вторая)

Сборы	48
Дорога. День первый	52
Дорога. День второй	55
Дорога. День третий	57
Донбасс. День первый. Таможня	60
Донбасс. День второй	65
Донбасс. День третий	70
Донбасс. День четвертый	77
Донбасс. День пятый	86
Донбасс. День шестой	94
Донбасс. День седьмой (последний в этой поездке)	116

Монах Варлаам (Карабашев)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

**Из зимней Сторожны
в «Август» и обратно
(поездка первая)**

**Путь к милосердию
(поездка вторая)**

ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

Санкт-Петербург

2015